

18+

Фрэнсис Кель

ПЕСНЬ

СОРОКОПУТА

РЕНЕССАНС

Охотники за мирами

Фрэнсис Кель

Песнь Сорокопута. Ренессанс

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кель Ф.

Песнь Сорокопута. Ренессанс / Ф. Кель — «Эксмо»,
2022 — (Охотники за мирами)

ISBN 978-5-04-170770-5

Вся жизнь Готье была ложью, с которой он теперь не собирается мириться. Джером больше не согласен оставаться в тени и плыть по течению. И только Скэриэл по-прежнему хладнокровно преследует свои цели, идет по головам, сметая все на своем пути. Чистокровным, полукровкам и низшим стало слишком тесно в Октавии. Грядут большие перемены. Грядет Ренессанс. Продолжение романа в жанре Темной академии «Песнь Сорокопута», тираж которой разлетелся за неделю после выхода. Сословное общество с четким разделением на три касты, где у низших нет никаких прав, — глазами юного члена привилегированного сословия. Роман полон культурных отсылок. Двухуровневое повествование, ведущееся от лица двух героев, ни один из которых не знает всей правды о таинственном и обаятельном Скэриэле Лоу. Стильное оформление с иллюстрациями на форзаце и нахзаце. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-170770-5

© Кель Ф., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

I	6
II	12
III	18
IV	24
V	29
VI	34
VII	39
VIII	45
IX	51
X	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Фрэнсис Кель Песнь Сорокопута. Ренессанс

Чистота крови – чистота помыслов

© Кель Ф., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

I

Киллиан Парис Бёрко.

Ни в одном учебнике по истории не значилось это имя. Мне пришлось перерыть все полки в секторе «Отечественная история», прежде чем я наткнулся на императора Париса Бёрко, прапрапра... – сколько там ещё этих «пра-», не счесть – дедушку. Вероятно, второе имя в честь него. Правил он мало, никаких важных реформ не утвердил, войн не вёл, и так уж выходило, что мы его пропускали на занятиях.

Я так увлёкся поисками, что кто-то из учеников пожаловался на меня из-за чрезмерного шума, недопустимого в стенах библиотеки лицея. Само собой, мне сделали замечание, но, учитывая, что днём ранее я узнал, что моя прежняя жизнь была самым настоящим фарсом, слова сердитой работницы библиотеки показались мне всплеском воды посреди мощного шторма.

Я извинился, пообещав быть тише; только сейчас я осознал, как странно выгляжу. У нас не было никаких важных заданий по истории, поэтому мои хаотичные поиски в отделе с династией Бёрко могли показаться кому-то подозрительными. Я устало опустился на стул и решил не спешить с выводами.

Допустим, я и правда последний наследник, сын Лукиана Бёрко. Кто об этом знает? Отец (поправочка: неродной отец), Гедеон, Люмьер, Оскар и мистер Вотермил. Это те люди, которые точно в курсе происходящего. Но кто ещё? Их определённо должно быть больше.

Теперь вопрос в другом. Почему Уильям Хитклиф взял меня в семью и выдал за своего сына? Он состоит в Совете старейшин. Туда рвётся и Гедеон. Что собой представляет Совет старейшин, я знал лишь по урокам обществознания. Он руководит страной, состоит из чистокровных, делится на партии, его члены голосуют за или против законов. На этом мои познания заканчивались. Совет старейшин появился после падения империи. Если я – это всё ещё не укладывалось в голове – ...нет, если принц взойдёт на престол в девятнадцать лет, Совет старейшин может потерять былую власть. Что, если Уильям Хитклиф забрал меня к себе, лишь бы я никогда не узнал, что являюсь принцем, и тем самым не сверг существующий политический аппарат? Но ведь проще было бы от меня избавиться...

Что-то не сходилось, и это раздражало. Мне было около года. Уильям Хитклиф мог убить меня, как убили остальных членов семьи Бёрко, либо убрать с дороги, когда мне исполнилось два или три года, например утопить, а затем месяцок погоревать на виду у соседей. Поддержать легенду, что любимый младший сын утонул. Мне уже стукнуло шестнадцать, а я всё ещё жив, значит, ему нужно что-то другое.

Допустим, мне никогда бы не рассказали, что я принц. Да и сейчас я узнал об этом только благодаря тому, что подслушал чужой разговор. Я мог всю жизнь считать, что меня зовут Готье Хитклиф. Наверное, это было бы меньшим из зол.

Отец не скрывал, что наблюдает за мной в стенах лицея. Оценки, незначительные замечания, всё то, что стоило донести до родителей, обязательно было донесено. И то, что меня не было на первом уроке на днях, а затем я появился в заляпанной кровью рубашке на два размера больше положенного – уверен, отцу доложили и об этом. Я всё ждал, что он вызовет меня к себе в кабинет, но, как оказалось, он был слишком занят работой. Судьба давала мне время на передышку перед серьёзным разговором.

Оглядевшись, я понял, что никому нет до меня дела. Я рванул сегодня в библиотеку, как только прозвенел звонок на большую перемену, бежал, перепрыгивая через ступеньки, и чуть не сшиб младшеклассника в дверях.

В общей какофонии я различал перешёптывания, кто-то спереди готовился к зарубежной литературе, перелистывал страницы, сбоку кто-то тихо диктовал напарнику химическое

уравнение, скрипел стул, слышались звуки пишущих ручек, шелест тетрадей и быстрое клацанье по клавиатуре.

На моём столе возвышалась гора из книг. Я был решительно настроен просмотреть каждую в поисках зацепки. Но, подумав, осознал, что таким поведением дам понять отцу, что со мной что-то произошло, – конечно, если ему об этом доложат. Либо я влюбился в учительницу истории, престарелую миссис Столь, и теперь из кожи вон лезу, чтобы произвести на неё хорошее впечатление, либо узнал, что я наследник императорской династии, и рыщу в поисках информации о потерянной семье.

И я не знал, говорит это во мне здравый смысл или паранойя.

Что если я сознаюсь отцу и брату в том, что знаю правду? Каковы будут их дальнейшие действия? Попытается ли кто-нибудь из них избавиться от меня? Ведь как принц я могу распустить Совет старейшин. С младших классов нас убеждали, что Лукиан Модест Бёрко был никудышным императором, чьё правление привело к восстанию полукровок и низших. Подавить восстание смог только Совет старейшин. Получается, я – единственная угроза для нынешней власти.

Всё, что известно о смерти императорской семьи, это то, что когда стража ворвалась в разгромленный дворец, то увидела тело императора с пулевыми ранениями. Северина Бёрко вместе с детьми была застрелена в восточном дворце.

У меня не было к ним родственных чувств, я не знал никого лично, а в моей голове они до сих пор оставались только историческими личностями со страниц учебников. Из-за этого казалось, что я чёрствый сухарь, не способный сопереживать. Они моя семья, но я не испытывал по отношению к ним ничего, кроме смятения и недоверия.

До конца перемены оставалось ещё пятнадцать минут, нужно было срочно что-то предпринять, иначе я не усiju за партой во время урока. Краем глаза я заметил, как работница библиотеки то и дело бросает в мою сторону недовольные взгляды. Кажется, она уже записала меня в список нежелательных посетителей. Я принялся вяло разбирать книги и возвращать их на полки. Это было ошибкой. Стоило просто оставить всё на столе. Я перепутал порядок расстановки книг – войны девятнадцатого века перекочевали в один ряд с Великими географическими открытиями, а «История великой династии Бёрко» теперь соседствовала с биографиями Аристотеля и Платона.

– Ты целенаправленно пытаешься запихнуть «Взлёты и падения Лукиана Бёрко» в один ряд с военными реформами восемнадцатого века? – внезапно раздался позади меня насмешливый голос, да так, что я чуть было не выронил три книги, которые пытался удержать в одной руке, пока второй безуспешно тыкался в плотный книжный ряд.

Не знаю, по какому случаю Оливер решил посетить библиотеку, но мне совсем не хотелось сейчас объяснять стопки книг на столе. Ему точно не соврёшь о том, что задано по истории.

– Мгм, – неопределённо промычал я, пойманный на месте преступления, повернулся и столкнулся с Оливером взглядами. – Не заметил, куда ставил.

– А-а-а, – с долей разочарования протянул он. – А я уже было подумал, что ты специально приходишь в библиотеку, чтобы перемешивать книги в разных секторах.

Я не мог понять, шутит он или говорит серьёзно. Может, Оливер сам любитель время от времени устроить бардак в библиотеке. Возможно, из-за таких вот шалостей старенькая работница всё время на взводе.

– Что читал? – Он с интересом пробежал взглядом по корешкам книг. – Биография Бёрко?

– Да так... – неуверенно начал я, пытаюсь придумать убедительную причину. – Пospорил со Скэриэлом насчёт императора...

– Да? И о чём же? – не унимался Оливер.

Я точно знал, что он видит мои жалкие попытки оправдаться и с нескрываемым удовольствием следит за тем, как я буду выкручиваться, застигнутый врасплох. Зря я упомянул Скэриэла, ведь Оливеру он нравится. Они даже успели поцеловаться! Я чуть было не дал себе по лбу. Надо было что-то ляпнуть про Габриэллу или ещё кого, в ком он совсем не заинтересован.

– Ну... Я вот считаю, что Лукиан Бёрко в свободное время любил вязать шарфы.

Оливер посмотрел на меня так, словно я испортил воздух. Лучше бы промолчал, честное слово. Я видел, как он переосмысливал своё дружелюбное отношение ко мне. Кажется, я стремительно скатился в его глазах на самое дно и таким образом скоро окажусь в одном ряду с Мартином и Кливом.

– Точнее, ищу, вязала ли Северина Бёрко, – исправился я на ходу, вспомнив, как мама однажды подарила мне шарф.

Со стороны раздалось раздражённое шиканье, напоминающее о том, что мы в библиотеке. Понизив голос, Оливер спросил:

– И как?

– Что как?

– Вязала ли Северина Бёрко? – посмеялся он.

– В книгах об этом ни слова... – Я запихнул оставшиеся тома на полку и вернулся за стол.

– Тогда поищи в интернете, – с улыбкой посоветовал Оливер, присаживаясь рядом. До этого он держал руки в карманах, теперь я увидел, что его правая ладонь аккуратно перевязана бинтом.

– Вся информация об императорах проходит цензуру. – Я убрал тетрадь в рюкзак. На языке так и вертелся вопрос о забинтованной руке.

– Но ты же не взрывчатку собираешь, – хмыкнул он. – Хотя если что-то личное ищешь, то воспользуйся VPN.

Почему мне это не приходило в голову? В Октавии интернет контролируется, новости фильтруются, большинство зарубежных сайтов блокируется, но есть аналоги, вполне позволяющие жить комфортно. Я никогда прежде не задумывался о том, чтобы установить VPN, но, с другой стороны, и поиском запрещённых тем тоже не занимался.

– А ты пользовался?

Оливер подпёр подбородок кулаком, удивлённо приподнял правую бровь и глянул на меня, словно мы говорили о прописных истинах, которые только мне одному неизвестны.

– Постоянно сижу с VPN.

Я зачем-то медленно кивнул. Оливер хмыкнул, опёрся на спинку стула, разглядывая меня.

– Я так порно ищу, – добавил он мимоходом.

Вот это, конечно, тема для обсуждения. Я замолчал, уткнувшись в сцепленные перед собой ладони.

Оливер пощёлкал пальцами перед моим носом.

– Эй, Хитклиф, – прыснул он со смеха. – Не заморачивайся.

– Ты что-то хотел найти в библиотеке? – решил я сменить тему. До конца перемены оставалось не больше десяти минут.

– Тебя.

– Зачем?

Тут он стушевался, мигом растеряв остатки бывшего лоска. Спрятал руки под стол, придвинулся ближе, словно собираясь поделиться со мной какой-то тайной. Нервно обвёл взглядом остальных в зале, затем неуверенно вернулся ко мне. Смотрел он при этом мне в район ключиц.

– У тебя, случайно, нет номера телефона Бернарда?

– Прости, но нет. Да никогда и не было. – Подавшись к Оливеру, я тоже понизил голос.

С Бернардом я виделся, только когда собирались папины друзья. Его отец владел больницей, был прекрасным врачом. Я не мог представить, как у Оливера, того самого, что на встречах стоял с сестрой в сторонке и практически ни с кем не общался, и шумного Бернарда, болтавшего с гостями в центре зала, могло быть что-то общее. Хотя, должен признать, я мог ошибаться. Раньше я считал, что у Скэриэла и Леона нет ничего общего, пока Скэр не удивил познаниями в балете.

– Жаль, – разочарованно сказал Оливер. – Ты просто часто с ним зависал, когда мы семьями собирались.

– Ага, но номерами не обменивались и за пределами этих встреч не общались. Ты можешь спросить у Оскара, они соседи.

– С Оскаром я совсем не знаком. Только здороваемся, и всё. – Оливер окончательно раскис.

– У меня есть номер телефона Оскара... – начал было я и замолчал.

Вчера я принял жёсткое решение вычеркнуть его из своей жизни, а теперь вот заикнулся перед Оливером.

– Ты можешь его попросить достать номер Бернарда? – Приблизившись, Оливер приподнялся на локтях.

– Не знаю... – замялся я, отодвигаясь и соображая, за что ухватиться, как вывернуться. – Мы с ним тоже не близки. Геден с Оскаром в ссоре, и, если я буду общаться с ним, мне влетит, – честно признался я под конец.

– Понимаю, – протянул он, хотя мне казалось, что ни черта не понимает.

– Прости за нескромный вопрос, а зачем тебе номер Бернарда?

– У меня был его номер, но, представляешь, я утопил телефон! Я хотел у Бернарда спросить про латынь в академии. Что именно они проходят, какой преподаватель. Слышал, что он хорош в латыни.

Не знаю, врал ли Оливер или нет, но звучало достаточно убедительно. Я слышал о том, что Бернард изучает латынь, да он и сам рассказывал смешные истории с занятий.

– А с рукой что? – Я указал на бинты.

Оливер с непониманием посмотрел на меня, затем на свою правую ладонь, словно только сейчас о ней вспомнил.

– Да пустяки, – отмахнулся он. – Ночью проголодался и хотел приготовить сэндвичи с сыром. Как видишь, повар из меня бестолковый.

– Нарезал сыр в темноте, что ли? – Настал мой черёд шутить.

– Что? – Казалось, что мысли Оливера далеко отсюда. – А, нет. Просто нож соскочил.

– А у Леона спрашивал про номер Бернарда?

– Леон? Они общаются? – Глаза у Брума округлились.

– Мне кажется, да.

«Точно общаются», – подумал я, вспоминая, что Бернард – обладатель дружелюбного характера и мастер весёлых историй, при этом любящий потрепаться не по делу и перемыть другим косточки. Именно он рассказал Леону про драку между Геденом и Оскаром, так ещё и что-то там вякал про Скэриэла.

«Бернард говорил, что у тебя появился ручной полукровка», – сказал тогда Леон.

– Вот вы где! – торжественно раздалось сбоку, а следом – агрессивное шиканье от наших ближайших соседей. Мы с Оливером вздрогнули и повернулись.

Лаванда Фло, наша староста, заведовавшая организационными вопросами в лицее, стояла напротив стола с папкой в руках. Оливер мигом отодвинулся, словно само её присутствие было ему неприятно. Я вспомнил, как он однажды у меня дома так отреагировал на Лору. Тогда он ещё умудрился скорчить гримасу, но в этот раз сдержался. У меня закрались подозрения, что Оливер на дух не переносит девушек.

– Вы мне и нужны, – не дожидаясь приветствия, деловито объявила Лаванда, чуть понизив голос. – Мы в общем чате решили устроить дополнительные занятия по танцам для тех, кто плох в вальсе.

– Общий чат?

– Вальс?

– Да, дорогие мои, – с укором подтвердила Лаванда. – Вы оба вышли из чата ещё в начале года. А мы там, между прочим, важные дела обсуждаем.

– Точно, – прыснул Оливер. – Да я сразу вышел, как увидел десятки сообщений «Приветики!» и «Как прошло ваше лето?». У меня еле хватает терпения видеть вас по полдня в лице, боже упаси ещё читать эти сообщения сутки напролёт.

Выглядел он при этом очень довольным собой. Лаванда вся напряглась; я был готов к тому, что она сейчас его треснет папкой.

– Я не выходил, – в тон Лаванде произнёс я, – просто отключил оповещения, а то вы там до двух ночи мемы с котятками кидали.

Оливер положил ногу на ногу и ритмично покачивал ступнёй. Смотрел он на Лаванду, словно она устроила целое представление.

– Не важно, – отрезала она, пытаясь сдержаться и не высказать пару ласковых. – Мы будем танцевать вальс на выпускном. Вас записывать на дополнительные занятия?

– До выпускного ещё полгода! – повысил голос Оливер. Я глянул на работницу библиотеки, та грозно уставилась на нас в ответ.

– Ой, кто это тут у нас возмущается, неужели гуру организации? – Прищурившись, Лаванда сложила руку козырьком у лба, словно высматривала кого-то по сторонам, затем пренебрежительно глянула на Оливера. – Вот если бы ты занимался организационными моментами, то знал бы, что всегда нужно готовиться заранее, а это значит, собрать желающих, – она принялась загибать пальцы, перечисляя, – найти преподавателя, помещение, обговорить расписание, оплатить занятия...

– Понял, каюсь. – Оливер театрально поклонился ей. – Пять ударов плетью мне по спине, и конфликт решён.

– Обойдёмся без кровопролития. Так что с занятиями? Вас записывать? Как у вас с вальсом?

– Обязательно танцевать? – спросил я.

– Да! Ты хоть понимаешь, что это наш выпускной и там мы...

– Стоп, стоп, стоп. – Оливер примирительно выставил руки вперёд. – Мы всё поняли. – Положив руку на грудь, он с чувством произнёс: – Выпускной – дело всей жизни. – И, обращаясь ко мне, драматично изрёк: – Как мы могли это забыть?

Не сдержавшись, я прыснул от смеха. Лаванда вспыхнула гневом. То, с каким рвением она бралась за дело и как верила в то, чем занимается, было прямо противоположно тому, с каким пренебрежением относился ко всему происходящему Оливер. Вдобавок я ещё посмеялся над шутками Брума в её присутствии. Думаю, для таких, как я и Оливер, в аду припасён отдельный котёл.

– Нет, мы не будем ходить на дополнительные занятия, – подытожил Оливер, вальяжно развалившись на стуле.

– А ты умеешь танцевать? – недоверчиво прищурилась Лаванда.

– Да. Я помогу Готьё с подготовкой, если ты оставишь нас в покое.

– Делайте как вам угодно, – с обидой бросила она и, развернувшись на каблуках, направилась к выходу.

– Её бы энергию да в мирное русло, – покачал головой Оливер, провожая Лаванду взглядом.

И тут я задумался над тем, что если Оливеру и правда некомфортно с девушками, то как он будет танцевать на выпускном? Только если с Оливией. Я бы тоже не прочь с ней потанцевать. В нашем классе девочек было меньше, чем мальчиков, поэтому я не понимал, как мы разобьёмся на пары. Быть может, администрация разрешит пригласить кого-нибудь не из лица. Хотя приглашать мне было некого. Я внезапно осознал, что у меня практически нет друзей.

– Пойдём, скоро звонок, – вздохнул Оливер, поднимаясь.

– Где Оливия? – Я двинулся следом, закидывая рюкзак на плечо.

– Парень из параллели попросил её поговорить наедине, – равнодушно бросил он. – Наверное, в любви признаётся, а она вежливо его отшивает.

Сердце сделало кульбит, но я быстро взял себя в руки. Оливер с любопытством оглянулся, проверяя, как я отреагирую.

– Она тебе нравится, да? – прищурившись, спросил он.

– Да, – честно признался я. Не было смысла лукавить. Оливер видел меня насквозь. У Оливии в поклонниках половина лица, и он их всех недолюбливал.

Мы торопливо пересекли холл, направляясь к лестницам.

– Ты ей тоже нравишься, – как ни в чём не бывало произнёс Оливер. Опередив меня, он поднялся по ступенькам.

Я встал как громом поверженный, не осознавая, что мешаю потоку учеников. Это не могло быть правдой, но я, как утопающий, схватился за соломинку. Оглянувшись на меня, Оливер хмыкнул и спустился, встав на две ступеньки выше.

– Я думаю, она в тебя влюблена, – проговорил он в тот самый момент, когда заиграла мелодия, возвещающая начало урока.

– Что? – Я ухватил его за рукав и с силой потянул на себя. – Ты издеваешься?

Я правильно всё расслышал? Влюблена? Быть того не может. Ученики понеслись к кабинетам, а мы так и стояли на лестнице.

– Я серьёзен, – проговорил Оливер. – У неё есть личный дневник. Она пишет там инициалы «Г. Х.». Думаю, что это ты, Готье Хитклиф.

II

– Если Адам скажет что-то грубое, не реагируй, – шепнул Скэриэл, прежде чем мы вошли в кабинет.

Большое полуподвальное помещение. Ни капли дневного света. Гнетущая атмосфера богом забытого места, где порой творились страшные вещи. Я сглотнул и уставился на свои ботинки. Под ногами тёмно-коричневый паркет с горизонтальным рисунком, никак не сочетающимся с бетонными стенами. Огромная дизайнерская люстра портила и без того убогую картину, открывшуюся мне. Искусственный приглушённый свет обычно ассоциируется с интимной обстановкой, но здесь складывалось ощущение, что хозяину попросту не хватало денег на нормальную люстру. Но это было абсолютно не так. Стены выкрашены в багровый, давящий на психику цвет. Скэриэл однажды сказал, что стены часто покрывались кровавыми брызгами, а отмывать поверхность от застывших капель – неблагодарное занятие. Я не представлял, как можно долго сидеть здесь и не сойти с ума.

Меня нервировало нахождение в кабинете у мистера Эн. Его звали Энтони, кто-то ляпнул, что в молодости он был «жестокий Тони» или «Тони Без Обид». Этот человек с лёгкостью избавлялся от своих подельников со словами: «Без обид, дружище». Кто в здравом уме мог согласиться с ним работать?

Да только вот Скэриэл работал.

Мистер Эн руководил большей частью территории Запретных земель, годами отвоёвывая каждый метр у местных банд и группировок. Я знал, что клуб «Глубокая яма» принадлежит ему. До меня доходили слухи, что основную прибыль мистер Эн получал от оборота наркотиков, среди которых важное место занимал наркотик вис¹ – имитация тёмной материи. Я никогда не видел таблетки вис своими глазами. Это не то, что тебе могут предложить в особенно тёмных уголках ночного клуба.

Оперевшись на спинку стула, мистер Эн сидел за огромным, заваленным бумагами столом. На полу – большая пустая сумка. В стороне – продавленный низкий диван, на котором вальяжно уселся Адам с ещё одним парнем. Мистер Эн курил толстую сигару, сосредоточенно наблюдая за тем, как два амбала выбивают дурь из мужчины напротив. Мы прошли вглубь и встали сбоку от жестокой расправы. На лице Скэриэла не дрогнул ни один мускул, словно это было обыденностью: наблюдать за наказанием подчинённых. Впрочем, и мистер Эн не обратил на нас внимания.

Я успел разглядеть сплошное кровавое месиво на лице мужчины. Глаза заплыли синяками, словно его били уже не первый час. Нос кошмарно покосился и распух. Передние зубы отсутствовали; он громко кашлял, давясь кровью. Светлый свитер был весь забрызган алыми каплями. Ткань выглядела поношенной, с катышками, грязными разводами, будто кофтой успели несколько раз вытереть пол. Чуть поодаль в углу валялась порванная куртка. Посиневшие запястья мужчины были связаны за спиной; иногда он заваливался на сторону, не в силах устоять на слабых ногах.

После очередного града ударов мистер Эн металлическим голосом произнёс:

– В последний раз спрашиваю, где деньги?

– Я... – мужчина пытался отдышаться, по подбородку текли кровавые слюны, – не... знаю. – Он захрипел, закашлялся, алые брызги долетели до бумаг на столе.

От гнева лицо мистера Эна покраснело, а губы сжались в тонкую линию. Я задавался вопросом, сколько длится допрос с побоями.

– Избавьтесь от него, – раздражённо бросил мистер Эн.

---

¹ Вис – от латинского *vis* – «сила». (Прим. автора.)

Мужчина взвыл, как подстреленный зверь. Он пытался отползти, но, получив удар в солнечное сплетение, затих, размазывая кровь по полу. Мистер Эн сдвинул брови и сморщил нос – кажется, он был недоволен чистотой паркета. Брезгливость так и читалась на его лице.

Один из амбалов вышел из кабинета. Я не отрываясь смотрел на избитого мужчину. Он хрипел, временами пытаясь сказать что-то ещё. Взглянув на Скэриэла, я с ужасом понял, что эта сцена никак его не тронула. Он тоже наблюдал за избитым, но выглядел отстранённо. Мистер Эн не спеша курил сигару, выпуская столбы табачного дыма. В помещении стоял затхлый сырой запах с нотками крови и дыма дорогой сигары. Подойдя ближе к мистеру Эну, можно было уловить шлейф тяжёлого одеколона, забивавшего посторонние ароматы. После этой встречи я ещё долго ощущал на себе его парфюм.

Вскоре вернулся громила. Кажется, его звали Рой. Я встречал его раньше и помнил с тех времён, когда он работал вышибалой в клубе. Теперь он стал мастером по части запугиваний, расправ и заметания следов.

Рой притащил ведро с водой. Нёс он торопливо, не боясь расплескать по дороге. В голову закралась страшная мысль. Неужели они утопят его у нас на глазах? Скэриэл устало переступил с ноги на ногу, отошёл на два шага назад и лениво прислонился к стене. Для полноты картины ему не хватало ещё достать пилочку для ногтей. Я отошёл следом.

Второй амбал поднял беднягу, грубо схватив за волосы, и с силой опустил его голову в ведро, основательно расплескав воду. Избитый начал вырываться; поднялись пузыри с выходящим воздухом. Он кричал под водой. Тело забилося в конвульсиях. Пока один держал мужчину, второй налёг на ведро, чтобы оно не перевернулось. Казнь длилась две долгие минуты. Я краем глаза заметил, как Адам на диване оскалился, наблюдая за поникшим телом. Его друг выглядел испуганным.

– Тихо, чисто, практично, – довольно заключил мистер Эн, пока один его подручный уносил тело, а второй наскоро протирает паркет чужой порванной курткой, и поучительным тоном добавил: – И меньше крови.

Адам криво улыбнулся.

– Пусть это для вас будет уроком на будущее. – Мистер Эн обвёл нас хмурым взглядом. – Всем, – он поднял указательный палец, привлекая наше внимание, а затем указал на себя, – кто попытается меня кинуть, обокрасть, прямая дорога на кладбище. – И постучал пальцем по столу, указывая вниз. – Адам. – Он взглянул на парня и позвал к себе; тот поднялся, подошёл ближе. – Подёргай за свои ниточки и узнай, куда этот сукин сын дел товар и деньги.

– Да, босс.

– Кто это с тобой? – Прищурившись, он внимательно осмотрел парня позади него.

– Мой напарник Кэмерон.

– Участвовал с тобой в налёте?

Адам кивнул.

– Ему можно доверять?

– Да. Ручаюсь за него.

– Подойди.

Кэмерон встал рядом с Адамом.

– Статус?

– Полукровка.

– Сколько лет?

– Восемнадцать.

– Принимаешь, нюхаешь, колешься? – требовательно спросил мистер Эн.

– Балуюсь марихуаной.

– Тебе ещё придётся заработать моё доверие, – скептически отозвался мистер Эн, повернулся к нам, бегло взглянул на меня и обратился к Скэриэлу: – Как его зовут?

Адам недовольно хмыкнул, с презрением взирая на нас.

– Джером, – отчеканил Лоу. – Мы с ним уже полгода работаем вместе, из одного интерната вышли. Ему можно доверять. – Он кашлянул в сторону, добавив: «В отличие от некоторых».

– В лицо выскажи, ублюдок! – вспыхнул Адам.

– Кто ты, чёрт тебя дерит, такой, чтобы я с тобой разговаривал, мудила? – не остался в долгу Скэриэл, делая шаг вперёд.

Адам подошёл ближе и встал в стойку, готовясь нанести удар. В этот момент мистер Эн с грохотом опустил кулак на стол. Все, как по команде, посмотрели на него.

– Свои детские разборки оставьте за пределами моего кабинета, усекли?

– Этому ублюдку нельзя верить! Куда делась та партия виса, что вы ему дали в прошлом месяце? – набычившись, закричал Адам. – Я лично опросил всех дилеров в нашем районе. Никто не получал товар.

Он был так зол, что на его шее вздулись вены.

– Это тебя не касается, – хладнокровно ответил мистер Эн. – Захлопни пасть, пока я добрый.

Адам угрюмо замолчал.

– Он выполнял моё задание. Если ты ещё раз сунешь свой нос в мои дела, Адам, я лично его отрежу, понятно?

Скэриэл торжествовал. Он был ниже Адама на полголовы, но выглядел таким довольным, словно мог раздавить того ботинком, если бы захотел.

– Как там тебя? – Мистер Эн посмотрел на меня. – Джером?

– Да, сэр. – Я решил быть вежливым. – Я низший.

– Я тебя помню, – прищурился он. – Ты редко здесь бываешь, верно?

– Чаще всего я работаю в центре, – честно ответил я.

– Принимаешь вис?

– Да. Таблетка в месяц, – соврал я по требованию Скэриэла.

Вис позволял низшим выдавать себя за полукровок благодаря имитации тёмной материи. При этом искусственная тёмная материя не имела никакой физической силы. Фальшивка для отвода глаз, не более.

Вис был дорогим и небезопасным удовольствием. Я слышал истории, что части тела со временем загнивали, чернели и отказывались функционировать – всё это в итоге приводило к ампутации. При этом постепенно организму требовалось увеличивать дозу. Все начинали с таблетки в месяц, через полгода это были уже две таблетки, и так по нарастающей, до тех пор пока иммунная система не начинала сдавать позиции. Низшие годами принимали вис, пытались жить как полукровки среди чистокровных, но все они сгорали через десять лет, если не раньше. Передозировка не была редкостью.

Скэриэл сказал, что мне нужно соврать мистеру Эн, будто я сижу на висе.

– Иначе как объяснить то, что ты постоянно обманываешь пограничников при пересечении границ? М? Не думал об этом? – как-то усмехнулся Лоу.

– Не знаю. А если меня спалют? – Не нравилась мне эта идея.

– В чём? Никто не будет проверять тебя в Запретных землях.

Когда мы впервые за долгое время встретились в Запретных землях и Скэриэл поведал о том, что живёт в центре, я было решил, что он подсел на вис. Каково же было моё удивление, когда это оказалось не так. Полукровка, владеющий силой чистокровных. Никаких наркотиков, просто сама судьба благоволила ему.

– Кто твой дилер? – спросил мистер Эн.

– Генри из района Пяти улиц², но он теперь живёт в центре, – бойко ответил я, хотя никакого Генри не знал, а просто говорил заученные фразы.

Скэриэл подготовил для меня целое досье на этого дилера, лишь бы я не провалился перед мистером Эном. В первое время я думал, что Скэриэл заставит меня принимать таблетки, чтобы я мог имитировать тёмную материю, но он предложил тренироваться с Эдвардом, улучшать навыки на расстоянии. Мы добились прогресса в этом деле. И хоть я всё ещё паниковал при пересечении границы, нельзя не отдать должное Скэриэлу – он придумал гениальный ход.

– А что по поводу него? – Мистер Эн указал на Скэриэла. – Не помогает ли он тебе с висом?

– Да стопудово, – бросил Адам. – Брать в напарники низшего – идиотский поступок.

Скэриэл показал ему средний палец. В ответ Адам сжал свой пах и толкнулся, намекая на то, чтобы Лоу у него отсосал. Адам был прав. Никто не любил работать с низшими, а тем более брать их на важные дела. Адам и Кэмерон – полукровки, им можно доверять. А я низший, да и засветился раньше в клубе за воровством, поэтому Скэриэл решил не ходить по лезвию ножа и не врать насчёт моего статуса.

Иногда честность – лучшее оружие.

– Скэриэл никогда не доставал мне вис, сэр. – Я видел, как мистеру Эну нравится такое обращение.

– Допустим, – ухмыльнулся он. Ни капли он нам не верил. – Если я узнаю, что ты, – он указал на Скэриэла, – воруюшь у меня наркотик, даже один грамм, я четвертую тебя вместе с твоим напарником.

– Конечно, – убедительно произнёс Скэриэл. – Я вас не подведу.

– А теперь к делу. К северу от района Пяти улиц есть дом. – Мистер Эн поднял тонкий скоросшиватель. – Адрес и фотографии в этой папке. Там живёт семья Уинстона Бойла. Кто это?

– Прокурор, – ответил Адам. – Он посадил несколько наших парней.

– Верно, – одобрительно согласился мистер Эн. – Сам Уинстон Бойл там не живёт, только его престарелые родители. У его отца прибыльный магазин запчастей. Адам и, – мистер Эн пощёлкал пальцами, вспоминая имя напарника, – Кэмерон, обчистите его. Вся наличка, шины, зеркала, двигатель – унесите всё подчистую. Магазин и дом.

– Понятно, – кивнул Адам. – Сроки?

– Весь следующий месяц в вашем распоряжении. Джером займётся слежкой за родителями Бойла. Во сколько встают, завтракают, работают, во сколько срут и занимаются любовью, если старика ещё не коснулась импотенция. – Он посмотрел на меня: – Ты отвечаешь за наводку и время.

Я кивнул.

– Скэриэл, ты займёшься своим заданием. На тебе Уинстон Бойл, он работает и живёт в центре. Твоя задача – заразить его. Он должен сгореть от болезни за полгода, не больше.

– Понял.

– У вас у всех одна задача – разрушить жизнь Бойла. Если что-то выйдет из-под контроля, то я вас четверых задушу собственными руками, это ясно?

Раздались недружные «да», «ясно», «понятно». Я промолчал.

– А теперь проваливайте. – Мистер Эн нетерпеливо швырнул папку Адаму. – Скэриэл, останься.

---

² Район Пяти улиц – основным местом разборок является район под названием «Пять углов». Он получил своё название из-за необычного месторасположения. В начале XIX века там пересекались сразу пять улиц – Энтони, Оранж, Малберри, Кросс и Литл Уотер. Отсылка к книге «Банды Нью-Йорка». (Прим. автора.)

Я вышел вслед за Адамом и Кэмероном и торопливо направился к лестнице. Скэриэл предупреждал, чтобы, если босс его оставит, я не задерживался, а шёл сразу к Эдварду. Он ждал нас на парковке неподалёку. Я прибавил шагу, надеясь оторваться от Адама. Тот переговаривался с напарником в коридоре.

С силой толкнув тяжёлую дверь, я вышел на улицу и с облегчением вдохнул свежий воздух. Ещё никогда я не был так рад оказаться на улице в Запретных землях. Сделав пару глубоких вдохов, я устремился к наземной многоуровневой парковке.

Впервые я получил задание от самого мистера Эна. Слежка – что может быть проще? Я не думал, что он вообще что-то может мне доверить, ведь я был новичком, так ещё и низшим.

Осматриваясь по сторонам, я вошёл на парковку. Эдвард высадил нас на улице, а сам сказал, что припаркуется здесь. Не спеша обойдя первый этаж, я направился к лифту. Эдвард ждал на втором этаже.

У самого лифта кто-то со всей силы толкнул меня, отчего меня отшвырнуло к грязной стене.

– Привет, Джером, – проговорил сзади Адам.

Я хотел было послать его на хрен, но он схватил меня за волосы и грубо приложил лицом о стену. У меня чуть искры из глаз не посыпались. Казалось, что он проломил мне левую часть лица, а от скулы и носа вообще ничего не осталось. Я попытался вывернуться, но Адам навалился всем телом, прижимая меня к стене.

– Скажешь своему дружку, что если он ещё раз будет наезжать на меня перед боссом, то я ему хер отрежу, понял?

Я начал брыкаться. В какой-то момент мне удалось высвободить руку и захватить ему локтем. Адам издал смешок и снова со всей дури приложил меня об стену, как тряпичную игрушку.

– Ты понял? – грозно спросил он вновь.

Кажется, я зарычал. Что он от меня хотел? Как я мог ответить, когда он буквально вдалбливал меня в бетонную шершавую поверхность. Я не мог даже открыть левый глаз от боли. Шипел, вырывался, выли, пытался освободиться из захвата. Он рассмеялся за моей спиной.

– Будешь хорошим мальчиком, и я тебя не трону, – проговорил Адам и лизнул меня в правую щёку.

Я снова взревел, принялся вырываться с удвоенной силой. Как хотелось вмазать ему пару-тройку раз! Адам оттолкнул меня в сторону. Не удержавшись, я полетел на пыльный бетонный пол.

Ладони кровоточили, и я сразу вспомнил, как в пять лет отец учил меня кататься на велосипеде. Я упал, разодрал колени и ладони. После этого отец купил наколенники и перчатки. Почему он не купил их раньше, я не знал. Это первое, о чём я подумал, оказавшись на полу. Адам скрылся так же тихо, как и появился.

На втором этаже я нашёл машину Эдварда. Он присвистнул при виде меня.

– Мистер Эн? – обеспокоенно спросил он, доставая влажные салфетки.

Я помотал головой, стораю от стыда. Никому не расскажу, что Адам облизал мне лицо. Просто стычка, какие часто происходят в Запретных землях. Я посмотрел на себя в зеркало заднего вида и скривился. Лоб, скула, нос и губы в ссадинах. Больше всего досталось скуле, она кровоточила и саднила. Выглядел я паршиво. Словно участвовал в уличных боях, но на деле меня поимел только один ублюдок.

Эдвард осторожно протёр моё лицо, затем ладони, сетуя на то, что Скэриэл связался с опасной группировкой. В это время я злился только на свою беспомощность.

– Кто тебя так? – не унимался Эдвард. – Это из-за Скэриэла?

– Да не важно, – буркнул я.

– Тебя кто-то отметелил и это не важно?

– Да.

Он устало выдохнул и повернулся всем корпусом в мою сторону.

– Хочу рассказать тебе одну историю.

Я промолчал. Меньше всего хотелось сейчас слушать чужие истории.

– Когда я был молод и не знал, куда идти, то пошёл работать надзирателем в тюрьму для низших. Проработал там два года и насмотрелся на этот ужас. В тюрьме много жёстких правил, и если их придерживаться, то всё будет под контролем, а если нет, то кто-нибудь может затащить тебя в душ, отыметь и зарезать. Я долгое время работал в блоке для тех, кто сидел за нетяжкие преступления. Но однажды меня перевели к головорезам. Мне дали напарника, наивный был парень, добрый, верил всем.

Я с сомнением посмотрел на Эдварда. Мы никогда не разговаривали по душам. Его биография была для меня покрыта мраком.

– И один из головорезов вдруг начал болтать с этим пареньком. И напарник мой от скуки отвечал, хотя я ему говорил, что это против правил. Запрещено контактировать с заключёнными. Когда я уходил в туалет, мой напарник рассказывал, как скучает по семье, по дому. Они оказались из одного района, даже жили где-то рядом. Земляки. Ты думаешь, они стали друзьями?

Я помотал головой.

– Собрав нужную информацию, головорез стал угрожать парню, что, выйдя на свободу, перережет всю его семью, ведь он теперь знает его адрес. Парень был в панике. Этот ублюдок угрожал ему и требовал открыть ночью камеру, помочь с побегом.

– И что сделал твой напарник?

– Он впал в отчаяние, и я его не виню. Этот парень застрелил ночью заключённого и застрелился сам. В его кармане была записка, где он объяснил, почему не мог позволить заключённому жить.

Эдвард замолк, да и я ничего не говорил. Спустя пару минут он произнёс:

– Этот парнишка иногда тебя напоминает. А головорез – это Скэриэл. Он использует любую информацию против тебя, как только это ему понадобится. Будь начеку. Защищай себя.

Немного помолчав, я проговорил:

– Я думал, что ты хорошо к нему относишься.

– Я благодарен ему за то, что он вытащил мою задницу из долговой ямы, но я не хочу в один прекрасный день застрелить его из-за того, что он меня шантажирует.

III

В один из дней, когда моё моральное состояние оставляло желать лучшего, я лежал на кровати, пялился в потолок и занимался тем, что умеют все подростки, – бездарно трагил время впустую. Слова Оливера выбили меня из колеи. Всё чаще я стал проваливаться в свои мысли, теряя связь с реальностью.

Пару часов назад я играл в мяч на заднем дворе. Его как-то оставил Скэр, а в следующий свой приход сказал, чтобы я забрал игрушку себе. Мяч, не больше теннисного, удобно уместившийся в ладони, изредка служил мне способом отвлечься от тяжёлых раздумий. Я кидал его, целясь в стену, и мяч охотно возвращался ко мне.

Скэриэл любил приносить всякие безделушки: самодельные рогатки, кубик Рубика, слаймы, йо-йо, спиннеры – всё то, что было популярно у детей-полукровок, но прошло мимо чистокровных.

Как-то мы пристроились у окна и стреляли из рогатки по деревьям, пока один из маленьких камушков не попал в припаркованную машину Гедеона. Брат спешил, поэтому оставил машину снаружи и ринулся в дом. После моего неудачного броска на капоте осталась безобразная царапина. Мы со Скэром спрятались, боясь, что Гедеон узнает и придёт в ярость.

И тут я услышал звук разбитого стекла. Увлёкшись, я отошёл и, не рассчитав силы, попал прямо в окно гостиной. Звон был настолько громкий, что из верхнего окна высунулась белокурая головка Габриэллы. Сестра удивлённо посмотрела на меня и молниеносно скрылась. Я был уверен, что она со всех ног несётся ко мне, желая вблизи рассмотреть последствия забавы. По ту сторону разбитого окна возникло испуганное лицо Сильвии.

– Господин Готье, вы в порядке?

Я промолчал, рассматривая стекло под ногами. Носком ботинка с хрустом наступил на осколок – раздался треск.

Конечно, я был не в порядке. Что хуже всего – я даже не чувствовал вины. Это меня удивило больше всего. Обычно я бы тут же бросился извиняться, а получив нагоняй, безропотно отправился в свою комнату.

– Господин Готье? – Сильвия внимательно всматривалась в моё лицо в ожидании ответа.

Может, она боялась, что я поранился, но ничего такого не было. Я пожал плечами и направился к входной двери. В холле со мной столкнулась Габи.

– Ты разбил окно? Разбил? А как разбил? – не унималась она.

– Ага, – равнодушно бросил я, направляясь к лестнице.

Она выбежала из дома, и вскоре до меня донёсся голос Сильвии из гостиной: «Госпожа Габриэлла, пожалуйста, не подходите близко! Это опасно».

Забрав мяч, я оставил его на столе и улёгся на кровать. Повернул голову и наблюдал за тем, как подарок Скэриэла безмятежно покоится на столе, нежась в лучах солнца. В противовес тому, какой сегодня выдался погожий денёк, у меня на душе скребли кошки. На том же столе находилась огромная клетка с Килли. Канарейка, подаренная отцом и так бессовестно брошенная мной. Я испытывал чувство вины перед птицей, осознавая, как мало уделял ей внимания. Гедеон тайно кормил Килли, следил за его состоянием, выпускал полетать. Об этом мне сообщила по секрету Габриэлла. В отличие от меня, Гедеон – хороший хозяин и бережно относится к питомцам. Рыбки, доставшиеся от мамы, славно устроились в его комнате. Боюсь представить, что было бы, окажись они у меня. Теперь Гедеон взял на себя заботу и о Килли. Я вдруг вспомнил, как мама мечтала назвать канарейку этим именем. Килли. Киллиан. Специально ли она выбрала? Принц Киллиан Бёрко.

Не стучась, в своей обычной манере в комнату ворвалась Габриэлла. Она выглядела такой счастливой, что мне аж тошно стало.

– У меня сюрприз! Идём покажу. – Она вся сияла как начищенная монета.

– Не сейчас, – не двигаясь, лениво промолвил я.

– Сейчас! Тебе понравится. – Сестра схватила меня за руку и потянула к себе. Я не сдвинулся с места. Она так и сяк крутила мою руку, тянула, пыхтела, но я продолжал лежать.

– Готье, – Габриэлла принялась канючить, – ну пойдём...

Я тяжело вздохнул. И тут она меня ущипнула, да не раз и не два. У меня вырвался предательский вскрик, и я ошарашенно уставился на неё, потирая покрасневшую кожу. Пришлось проследовать в её комнату, а то, уверен, она бы не оставила на мне живого места. Габриэлла порой была такой же упёртой, как и Гедеон.

Скэриэл сидел по-турецки, пытаюсь уместиться за маленьким столиком, и размахивал руками. Улыбка не сходила с его лица.

– Я сделала ему маникюр! – торжественно объявила Габриэлла, хлопая в ладоши. Она ринулась к Скэру, схватила его за ладонь и показала мне коряво покрашенные чёрным лаком ногти.

– Спасибо за прекрасный сервис, – смеясь, проговорил Скэриэл. – Цвет зашибенный.

– Высохли, – довольно заключила Габи, рассматривая ногти Лоу.

Я поднял руку и показал им большой палец. Не было желания что-либо говорить. Я хотел бы остаться в своей комнате и продолжить пялиться в потолок. Хотел бы, чтобы меня просто оставили в покое. Давно не испытывал такого упадка сил, как сегодня.

– Можно, я тебе тоже покрашу? У меня все цвета есть. Чёрный, белый, красный. Зелёный хочешь? – Габриэлла уселась за столик и принялась хвастаться своей коллекцией лаков. – Готье, какого цвета хочешь?

– Моргни, если она тебя перед этим пытала, – сказал я Скэриэлу.

– Да нет, было весело. Я сразу согласился. – Он потянулся к открытой коробке с шоколадными конфетами и закинул одну в рот. – У неё есть жидкость для снятия лака. Так какой тебе цвет?

– Никакой. – Я завалился на кровать Габриэллы лицом вниз.

– Фу, горький, – скривился Скэриэл. – Биби, можешь воды принести?

– Я буду красить ногти Готье, – надулась Габриэлла.

– Не будешь. – Я повернул голову в её сторону.

– Ну пожалуйста, – начала упрашивать она.

– Нет, Габи, – жёстко отрезал я, на что сестра изумлённо округлила глаза и затихла.

– Да ладно тебе, Готи, – Скэриэл попытался разрядить обстановку, – ты через десять минут всё сотрёшь.

– Кто-нибудь в этом доме понимает слово «нет»? – Я не мог понять причину охватившего меня гнева, но сдержаться не получилось.

Скэриэл замолчал и серьёзно посмотрел на меня. Я отвернулся, но чувствовал, как он прожигает меня взглядом.

– Что-то случилось?

– Он разбил окно в гостиной, – мигом нашла что ответить Габриэлла. Голос её звучал осуждающе. Видимо, она обиделась на меня из-за отказа.

– Биби, принеси мне, пожалуйста, стакан воды, а потом мы с тобой поиграем во что-нибудь, – дружелюбно предложил Скэриэл.

– Во что?

– Может, в парикмахера? Вон у тебя набор детский есть.

– Да! – радостно отозвалась Габриэлла и подскочила. – Только воды? У нас ещё остался пирог. Фанни приготовила сегодня утром.

– С чем он? – заинтересованно спросил Лоу. – А он вкусный?

– Да, очень. – Габи уже стояла в дверях. – С яблоками. Яблочный. Очень вкусный. Я два кусочка съела.

– Ну, раз с яблоками, так ещё и два кусочка, – задумчиво протянул Скэриэл, – тогда неси. Только помни, что никому нельзя говорить, что я здесь, а то не сможем поиграть.

– Я знаю, – ответила Габи и затем добавила шёпотом: – Это наш секрет.

– Секрет, – шёпотом повторил Скэр.

Сколько у неё было этих секретов в её восемь лет, хотел бы я знать. Габриэлла вышла и тихо прикрыла за собой дверь. Совсем не так, как десятью минутами ранее, когда она чуть ли не с ноги вломилась ко мне.

– Что случилось? – повторил он.

«Ты не поймёшь», – хотелось ответить мне. Как ему объяснить, что в последние дни моя жизнь катится под откос? Семья не настоящая, а настоящая мертва. Я оказался наследным принцем, но с какой целью Уильям Хитклиф меня забрал? Как к нему относиться? Он милосердный самаритянин или опасный интриган? Мне было стыдно признаться самому себе, что на фоне правды о семье я продолжал думать об Оливии. Возможно, она питает ко мне совсем не дружеские чувства. Узнай я это раньше, прыгал бы от счастья, но сейчас чувствовал, что ещё больше запутываюсь. И, что неприятнее всего, я думал, что Оливер решил надо мной подшутить, и тогда, признайся я Оливии, выставил бы себя на посмешище.

Я начал путаться с тем, как называть моего ненастоящего отца. Остаётся ли он мне отцом или нет, учитывая, что я не знаю его целей? Империя Бёрко, восстание, убийство императорской семьи, новая страна, а во главе – Совет старейшин. Кто я в этой шахматной партии? Очередная пешка на пути к управлению страной? Что мне делать?

Скэриэл был моим лучшим другом, и мы никогда ничего не скрывали друг от друга, но сейчас я хотел сохранить это в тайне. Если мою семью убили полукровки и низшие, то меньше всего мне хотелось делиться этим со Скэриэлом. Он был полукровкой, а Джером – низшим. Теперь я понимал, что сейчас мы по разные стороны баррикад.

– Ничего. – Я поднялся и серьёзно взглянул на него. – Ты обещал мне экскурсию по Запретным землям.

Скэриэл кивнул.

– Я думал, ты забыл.

– Когда мы сможем это устроить?

Мне хотелось лично увидеть, как живут низшие, что могло сподвигнуть их на восстание, что могло заставить их возненавидеть императора Бёрко и привести к его убийству.

Он пожал плечами.

– Когда твоего отца не будет дома. Прогуливать лицей тебе нельзя.

– Нельзя, – согласился я. – У меня по средам короткий день. Я что-нибудь придумаю, например, что пойду гулять с Оливером, а вместо этого мы отправимся в Запретные земли.

– Да, можно, если Оливер поддержит твоё алиби.

За дверью раздался голос Габриэллы:

– Откройте дверь! У меня руки заняты!

Скэриэл направился к двери.

– Если она будет так кричать, то ваш секрет быстро станет достоянием общественности, – усмехнулся я.

– Пароль? – игриво спросил Скэр у Габриэллы через дверь.

– Пароль? – переспросила она и затихла.

– Я ночью приду к тебе, – произнёс он шёпотом. – Хорошо?

Раньше он этого не спрашивал. Я кивнул в ответ.

– Что кошки говорят? – хихикая, спросил Скэриэл у Габи.

– Мяу-мяу? – весело ответила она за дверью.

– Правильный ответ. – И он открыл дверь. Я надеялся, что Габриэлла забыла о том, что хотела накрасить мне ногти.

Около десяти вечера, когда я лёжа читал и готов был вот-вот заснуть, в дверь постучались.

– Господин Готье, – тихо позвала Лора. – К вам пришёл мистер Брум.

– Оливер? – недоумённо спросил я.

– Да, верно.

– Пригласи его, пожалуйста, в мою комнату.

– Возможно, вам лучше самому спуститься, – нерешительно произнесла она из-за двери.

Я поднялся и открыл ей.

– Что с ним?

– Он не очень хорошо держится на ногах.

Я спустился первым, Лора тихо семенила за мной. В гостиной, уткнувшись в подушки на диване, полулежал Оливер. Он лениво приподнял голову и радостно произнёс:

– Готье, друг мой! Давно мы с тобой не виделись.

Виделись недавно в библиотеке. Сейчас он был пьян. Я повернулся и требовательно спросил у Лоры:

– Кто дома?

– Госпожа Габриэлла принимает ванну. Ей помогает Сильвия. Господин Уильям ещё не вернулся со службы. Господин Гедеон приходил два часа назад и снова уехал.

– Кто его видел? – Я незаметно указал на Оливера, сражающегося с диванной подушкой. Он пытался встать, но терпел поражение за поражением.

– Охрана, я и Фанни.

– Прикажи всем молчать. Ни слова Гедеону и отцу.

Лора закусила губу, желая что-то сказать, но промолчала.

– Что? – нетерпеливо спросил я, наблюдая за тем, как Оливер уселся и принялся рассматривать попавшую под руку книгу.

– Кевина выгнали за то, что он попросил прислугу не говорить...

– Ладно, понял, – перебил я, – сам расскажу отцу. Ступай и принеси, пожалуйста, воды в мою комнату.

– Готье, – весело проговорил Оливер, когда я закинул его руку себе на плечо, – я хотел пробраться к тебе в комнату через окно, но не дошёл. У тебя грубый охранник.

– Охранник не дал тебе свернуть шею, – пропыхтел я, медленно таща его по лестнице. – Выдам ему премию.

Я боялся, что отец вернётся и застанет Оливера в таком состоянии. Лучше всего было отвести его в мою комнату.

Мы добрых пять минут потратили на попытки преодолеть лестничные пролёты. Оливер доблестно воевал с каждой непокорной ступенькой, попутно рассказывая о том, как он час пытался заказать такси до моего дома.

– Чёртовы таксисты, – не унимался он, – они все думают, что я заблую им салон.

– Или откинешь копыта по дороге, – улыбнулся я.

– В точку. Я правда сегодня перепил. Обычно алкоголь меня не берёт. Я свою меру знаю.

Мы вошли в комнату, и я скинул его на кровать. Не знаю, сколько он весил, но моё плечо болезненно тянуло. В дверь постучали, я без вопросов открыл и забрал поднос у Лоры.

– Передай Сильвии, что ко мне пришёл одноклассник. Пожалуйста, не мешайте нам.

Закрыв за ней дверь, я подошёл и протянул стакан с водой Оливеру. Он с благодарностью принял.

– Расскажешь, что произошло?

– Хороший ты друг. – Он опустошил стакан и вернул мне, усаживаясь на кровати. – Ничего, просто я веселюсь.

– Один веселился? – хмыкнул я. – Или в компании?

– Мне и одному хорошо, – улыбнулся он. – Вот тебя увидел, и ещё лучше стало.

– Приятно слышать, – улыбнулся я в ответ.

Наступила тишина. Я посмотрел на часы.

– Хочешь у меня остаться с ночёвкой? Скоро Скэриэл обещал забежать.

– Нет, нет, я просто... – Оливер запнулся, уставившись куда-то в сторону. – Поговорить с тобой хотел. Мне больше некуда идти.

– А Оливия?

– О нет, она опять разозлится. – Он поморщился. – Кажется, это была глупая идея. Прости.

Оливер торопливо встал и, пошатываясь, направился к двери.

– Куда ты? – Я схватил его за плечо.

– Сейчас я понял, что зря пришёл и только доставил тебе неприятности.

– У тебя проблемы? Нужна помощь?

А про себя подумал, что вот только чужих-то проблем мне сейчас и не хватало.

– Я, кажется, совершил глупость. – Брум испуганно посмотрел на меня, как будто лишь сейчас осознал всю серьёзность происходящего.

– Ага, – понимающе отозвался я, хотя ни черта не понимал. – И?

– Я влюбился, – вдруг ляпнул он.

Я чуть было не сказал «поздравляю», но вовремя прикусил язык.

– В Скэра? – уточнил я.

– В кого? – Он ошеломлённо глянул на меня, а затем к нему пришло озарение. – Он тебе рассказал про поцелуй? Конечно, рассказал. Вы же всё время вместе.

Мне стало неловко.

– Нет, это не Скэриэл. Прости. Я не знаю, что на меня нашло. Просто я был в подавленном состоянии, а потом вы сказали, что не встречаетесь, а ещё ссора с Оливией, и мы остались с ним наедине, – продолжил Оливер сумбурно. – Всё так навалилось в тот день.

– Тогда кто?

– Ты никому не скажешь? Обещай.

– Никому.

– И даже Скэриэлу, – с сомнением в голосе добавил Оливер.

– Слушай, ты можешь не называть имя, если не хочешь, я не заставляю. Так даже будет лучше.

– Нет. Прости. Я просто нервничаю. – Помедлив, Оливер добавил: – Это Бернад.

Так вот почему он на днях расспрашивал о Бернаде. Никогда бы не подумал.

– Ого, – выдохнул я в ответ. – Вы встречаетесь? Тайно?

– Я думал, что да. Оказалось, что нет, – мрачно рассмеялся Оливер. – Не это самое паршивое. Он меня использовал.

Брум то хихикал, как глупая девица, то замолкал и серьёзно смотрел в сторону, словно размышлял о смысле жизни. Его иногда штормило. Вот Оливер уверенно стоит на ногах, и я отпускаю его плечо, а вот он уже хватается за шкаф или стену, чтобы не рухнуть на пол.

Я в недоумении уставился на него.

– Он обдурил меня. – Оливер пригладил волосы, усаживаясь обратно на кровать. – Я всегда считал себя сообразительным, но тут повёлся, как последний дурак. Представляешь? Какой идиот. – Он засмеялся, но выглядел так, словно сейчас разревётся.

– Что он сделал?

Оливер опустил глаза, помолчал, затем медленно произнёс:

– Бернард меня шантажирует.

IV

– Бернард? – переспросил я. – Шантажирует?

Я не хотел делать поспешные выводы, ведь Оливер был пьян и под воздействием алкоголя мог нести откровенный бред. Но вместо ответа он вымученно посмотрел на меня и кивнул.

Улёгшись на кровать, он подтянул колени к груди и угрюмо уставился на противоположную стену, как человек, не справляющийся с тяготами жизни и потерявший веру в то, что всё наладится.

За окном окончательно стемнело. Я слышал, как порывы ветра гоняли пожелтевшие листья на улице. В комнате наступила такая пронзительная тишина, что я мог уловить затруднённое дыхание Оливера. Его тревожное состояние передалось и мне. Я не хотел продолжать разговор, не хотел, чтобы Оливер вываливал все проблемы – пусть молчит дальше, охваченный беспокойством, – и в то же время чувствовал, что поступаю как последняя сволочь, желая сейчас только одного – чтобы Оливер покинул меня как можно скорее.

Возможно, я боялся не его проблем, а того, что ничем не смогу помочь. Я сам был сейчас не в лучшей форме; собственная беспомощность приводила в ярость.

– Почему? – спустя время задал я вопрос, когда понял, что Оливер не жаждет вести меня в курс дела.

Тяжко вздохнув, он промолвил:

– Не знаю. Может, я притягиваю придурков? – И сам горько усмехнулся.

Я был с этим категорически не согласен. Да, Оливер Брум не самый дружелюбный и общительный человек, но он точно не заслуживал такого. Я вспомнил его пьяную ссору с Оливией и то, как он в порыве гнева выкрикивал все эти жестокие слова о том, что отцу плевать на него. Есть ли в этом доля правды, я не знал. Любил ли его отец? Мистер Брум всегда казался мне строгим, но отходчивым человеком. Проблемы с отцом волновали и меня. Я вдруг понял, как много общего у нас с Оливером. Любил ли меня отец? Не тот, что красуется во всех учебниках истории семьи Бёрко. Любил ли меня когда-нибудь тот отец, который взял меня младенцем в свою семью?

Решив зайти с другой стороны, я спросил:

– Кто-нибудь ещё знает о том, что Бернард тебя шантажирует?

И всё же я не мог оставить его одного, не мог выпроводить в таком плачевном состоянии. Я вдруг почувствовал себя Атлантом, вместо небесного свода охотно взвалившим на свои плечи чужие трудности.

– Оливия знает. – Оливер продемонстрировал забинтованную ладонь. – Порезала мне руку.

– Что, прости?

– Руку, говорю, порезала. И телефон мой утопила, – буднично добавил он; затем, чуть помедлив, без капли гнева резюмировал: – Истеричка.

Кажется, у меня было настолько удивлённое выражение лица, что Оливер одарил меня снисходительной улыбкой. Нахмурившись, я опустился на стул и уставился на гостя. С каждой фразой всё сложнее было воспринимать сказанное всерьёз. На его лице так и читалось довольное: «Да-да, она именно такая, а я тебе говорил».

Прекрасная, как ангел, Оливия? Та самая, что одним своим нежным голосом вводила меня в состояние эйфории? Та, от которой у всех парней кружилась голова? Неужели всё, что говорил Оливер по поводу сестры, – чистая правда? Быть может, Скэриэл прав и я не вижу дальше своего носа. Тогда он говорил о Леоне с его постоянными синяками, затравленным голосом и взглядом, полным печали, но сейчас я и сам всё это стал замечать.

– Слабо верится, – буркнул я в ответ. А что мне ещё оставалось? Я не мог вступить с Брумом в открытый спор, ведь что я, по сути, знал о его сестре?

– И зря, – возразил он. – По этой причине я до последнего не хотел ей говорить.

Вместо того чтобы идти на попятную, избежать дальнейшего разговора, я мягко предложил:

– Может, расскажешь с самого начала?

Оливер замолчал. Я не стал его торопить, понимая, что он, возможно, собирается с мыслями. Или думает о том, как бы поскорее покинуть мою комнату – в какой-то мере этого желал и я. Давить на Оливера я точно не хотел, учитывая, каким жалким он сейчас казался. Если он нуждался в том, чтобы просто поплакаться в жилетку, полежать на моей кровати, бессмысленно рассматривая стену, то кто я такой, чтобы возмущаться. Я ждал, разглядывая прыгающую по клетке канарейку.

– Мы сблизилась с ним летом, – внезапно начал Оливер, не отрывая взгляда от стены.

Меньше всего я ожидал услышать тихий стук сбоку. По ту сторону окна вздохмаченный Скэриэл ещё раз постучал костяшками пальцев и помахал мне. Обычно я держал окно приоткрытым, потому что не выношу духоту, но сегодня погода испортилась. Я торопливо поднялся и открыл окно. Холодный ветер ворвался в комнату, сметая со стола тетради. Я опустил тяжёлую клетку на паркет.

– Я не вовремя? – спросил Скэриэл, кивнув на Оливера.

На голове у него было чёрт-те что, напоминавшее воронье гнездо. Я вспомнил, как впервые встретил его в «Глубокой яме» в птичьей маске.

– Ну, – начал было я, оглядываясь на Брума.

– Как ты прошёл мимо охраны? – возмущённо проговорил Оливер, поднимаясь.

– А что? – весело спросил Скэр, пытаясь обуздать тёмные волосы, что так и норовили закрыть ему глаза. Скэриэл пару раз заправил выбившиеся пряди за ухо и ослепительно улыбнулся Оливеру. Я бросил беглый взгляд на Брума – хотел убедиться, не против ли он компании полукровки. Тот растерялся, неловко потёр бледную шею, затем вымученно улыбнулся в ответ. Мне ничего не оставалось, как принять это за согласие.

– Он тоже пытался залезть в окно, но не вышло, – объяснил я, пропуская друга.

Скэриэл проворно перелез через оконную раму и прыгнул со стола.

– Тут нужна сноровка, – радостно пояснил он.

Я вспомнил, как чуть было не выпал из окна, желая поскорее подслушать Гедсона, и вздрогнул.

– Что обсуждаете? – беззаботно спросил Скэр и, подойдя к клетке, протолкнул указательный палец сквозь прутья. – Привет, мистер птичка.

Я не знал, что ему ответить. Мы обсуждали шантаж Бернарда Дона, вот только я не имел права об этом говорить без разрешения Оливера.

Что до Оливера, то он выглядел потерянным. Видимо, он был морально готов поделиться со мной всей историей, но совсем не ожидал, что так скоро пожалует Скэриэл. Говорить при нём Брум не хотел.

Скэриэл повернулся к нам, выгнул бровь и спросил:

– Ну, что затихли? Я не вовремя?

– Я, пожалуй, пойду. – Оливер встал, пошатываясь.

Он торопливо направился к двери, но чуть было не завалился в сторону. Скэриэл бросился к нему, схватил за руку и помог удержать равновесие. Движения его были резкие, но уверенные.

– Ты пьян? – твёрдо спросил он. Оливер изумлённо уставился на него, и тогда Скэр, смягчив голос, заботливо добавил: – Куда ты в таком состоянии...

При таком контрасте даже мне стало неловко. Звучало интимно, и я вдруг почувствовал себя третьим лишним в собственной комнате.

– Я... домой. Мне надо домой, – обречённо произнёс Оливер, вяло вырываясь.

Скэриэл требовательно посмотрел на меня, словно негодуя: «Да какого чёрта тут происходит?» Выглядел он не на шутку взволнованным, но то, с какой пылкостью он стремился разобраться в ситуации, мигом меня успокоило. Я уже мысленно скинул это бремя на него, мечтая, чтобы Скэриэл как можно скорее разрешил проблемы Оливера. В глубине души я был уверен, что вот кто-кто, а Скэр точно сможет это сделать, хоть и не представлял как.

– Оливер, стой, – пробормотал я. – Посиди немного.

– Что с тобой? – серьёзно спросил Скэриэл. Он взял Оливера за подбородок и грубо повернул к себе. – Что случилось? – Затем добавил то, что, видимо, с самого начала надеялся услышать каждый из нас, попав в беду: – Я помогу.

Не знаю, что так подействовало на Оливера: стальная хватка, твёрдый голос или это уверенное «я помогу», но он слабо кивнул и произнёс:

– Один человек меня шантажирует.

Так вот как это происходит. Пока я бестолково прыгал вокруг костра, пританцовывая, боясь надавить и чем-то задеть Оливера, Скэриэл просто шёл напролом.

– Кто?

– Готье его знает. – Оливер кивнул на меня.

Скэриэл вопросительно оглянулся, и я добавил:

– Его зовут Бернард Дон. Наш общий приятель. Учится в Академии Святых и Великих.

– Присядь, – властно велел Скэриэл, и Оливер послушно опустился на кровать.

– Он, понимаете... – Брум запнулся, теребя бинт. – Мой отец... – И снова замолчал.

Мы со Скэриэлом тоже молчали, дожидаясь, пока Оливер соберётся с мыслями.

– Я думал, что мы встречаемся, что у нас отношения. Бернард мне нравился, – вздохнув, продолжил он. – Правда нравился. Всегда весёлый, шутит классно. А вот Ви его сразу невзлюбила. – Оливер упомянул сестру, а мой взгляд всё это время был прикован только к его пораненной руке. – И знаете, в Академии на прошлой неделе было тестирование. Готье, ты ведь в курсе, что мой отец управляет Академией и у него в кабинете есть варианты тестов. Бернард уговорил меня помочь ему. – Оливер горько усмехнулся. – Вот идиот я, да? Пришёл в кабинет отца и, пока его не было, полез в ящики, нашёл тесты и сфотографировал. Отправил Бернарду, и он сдал на сто баллов. – Голос Брума предательски задрожал. – А теперь он хочет, чтобы я помог ему и с сессией. У мистера Барнса сложный экзамен. Я отказался. Один раз я по глупости уже совершил ошибку, подставил этим отца, но во второй раз точно нет. Он сказал, что расскажет моему отцу об этом.

– И тем самым подставит себя? – спросил Скэриэл.

– Не знаю, – удивлённо произнёс Оливер, уставившись на Скэра. Кажется, эта мысль не приходила ему в голову.

– Вот он сукин сын, – добавил я.

– И этому Бернарду нужны новые тесты? – прищурившись, уточнил Скэриэл. Выглядел он как опытный следователь. Для пущей убедительности ему не хватало ещё взять в руки блокнот и время от времени пометать что-то на листе.

Оливер помотал головой.

– Вопросы к экзаменам.

– Разве их не дают до сессии? – спросил я. – Мне кажется, я видел распечатки вопросов у Гедеона.

– Все преподаватели разные. Одни дают, другие нет. Я даже не знаю, существует ли этот список вопросов, но Бернард сказал, что его это не волнует, – с жаром проговорил Оливер. – Говорит, хоть взломай ноутбук отца или мистера Барнса.

– Что будет, если отец узнает? – Я нервно сел на свой стул, а Скэриэл устроился на полу, сев по-турецки. Я только сейчас обратил внимание, что ногти у него выкрашены в чёрный цвет. Он так и не стёр лак после встречи с Габриэллой.

– Если узнает? – горько переспросил Оливер. – Что я «встречаюсь», – он изобразил воздушные кавычки, – с парнем, так ещё ворую тесты для него? Даже не знаю... – Он хихикнул, затем провёл пятернёй по волосам. – В очередной раз пожалеет, что я появился на свет. – Его голос дрогнул, и он спрятал лицо в ладонях, шумно дыша.

– Он точно об этом не жалеет, – возразил я, отвечая скорее не Оливеру, а самому себе. Жалел ли Уильям Хитклиф, что взял меня в семью?

– Ты его не знаешь, Готье. Ты ни черта не знаешь... – Оливер повысил голос и злобно посмотрел на меня. – Он годами меня не замечал. Что бы я ни делал: высокие оценки – конечно, конный спорт – легко, – Брум принялся агрессивно загибать пальцы, – участие в шахматном турнире – запросто! Но отец ничего этого не замечает. Зато если Оливия чихнёт в своей комнате, – тут он указал пальцем в сторону, словно комната сестры была расположена в моём доме, – то он мигом прибежит к ней с лимонным чаем. Что мне оставалось делать? Я из кожи вон лез, чтобы добиться его одобрения, – он раскинул руки в стороны, – и что получал в ответ? Безразличие.

Мы со Скэриэлом замерли.

– И тогда я решил, а почему бы просто не заняться своей личной жизнью? – В его голосе послышались истеричные нотки. – Ему плевать на весь мужской род, в том числе и на меня. Я подумал: а что если выбесить его, разозлить, как он меня злит своим отношением? Кого он не любит? Мужчин? Тогда почему бы мне не встречаться с парнем?

Оливер зажмурился, словно его одолевала головная боль. Он помассировал виски и продолжил:

– Думал, повстречаюсь немного с Бернардом просто назло отцу. И влюбился! – грозно проговорил он, как будто совершил самую большую ошибку в жизни. – Я планировал его использовать, но в итоге это он воспользовался моим положением. – И Оливер затих, уставившись куда-то вниз.

– Я помогу тебе, если ты этого хочешь, – спокойно произнёс Скэриэл, словно истерика Оливера его ничуть не задела.

Оливер насмешливо посмотрел на Скэра и хмыкнул:

– Как?

– Если он посещает Запретные земли, я могу достать компромат на него. Око за око. Шантаж за шантаж.

– Какой компромат? – насторожился я.

Помнится мне, Скэриэл уже использовал свои связи, чтобы достать фотодоказательство того, что Оскар и Билли планировали меня подставить.

– Если он снимал в клубе девочку, – Скэриэл обратился ко мне, затем к Оливеру, – или мальчика, то я могу достать фотографии с камер видеонаблюдений. Или если он покупал или принимал наркотики.

– Ты это можешь? – охнул Оливер, впервые посмотрев на Лоу восторженным взглядом.

– Придётся воспользоваться старыми связями, – задумчиво протянул Скэр.

«Как будто цену себе набивает», – подумал я.

Оливер живо спустился с кровати к Скэриэлу, схватил его за руки и жалобно вымолвил:

– Я буду тебе по гроб жизни обязан, пожалуйста, помоги мне.

Улыбнувшись, Скэриэл кивнул.

Спустя час я посадил успокоившегося Оливера в такси. Он сообщил, что не собирается возвращаться домой, а лучше отправится к дяде. Когда машина скрылась за углом, я медленно

побрёл обратно, всматриваясь в свои окна. Шторы в комнате были плотно задёрнуты, свет выключен, но я был уверен, что Скэриэл лежит на кровати, уткнувшись в смартфон.

Войдя, я отодвинул штору, впуская лунный свет, и уселся на пол. Скэриэл убрал телефон в сторону, лёг на бок, подперев голову рукой, и взглянул на меня.

– Ты правда можешь ему помочь? – Я посмотрел на него, подмечая, каким же он кажется огромным с этого ракурса. Очертания его тела тонули в темноте.

– У меня есть выбор? – хмыкнул он.

– У тебя не будет проблем с этим?

– А ты волнуешься за меня?

Меня раздражало, когда Скэр отвечал вопросом на вопрос, хотя сам я частенько этим злоупотреблял.

– Вообще-то я серьёзно.

– Я тоже, – поспешно отозвался он.

Я раздражённо вздохнул. Хотелось выкинуть весь этот день из головы – впрочем, и последние месяцы тоже.

– У меня будут проблемы, если я попадусь, – внезапно проговорил Скэриэл. – Но я хочу чем-нибудь помочь Оливеру.

– Какие проблемы?

– В лучшем случае меня могут избить.

– А в худшем? – теперь не унимался я.

– Ты должен понимать, что жизнь в центре и в Запретных землях различается, – устало проговорил Скэриэл.

– Я хочу узнать больше о жизни в Запретных землях: какие там правила...

– Правило только одно: выживает сильнейший, – грубо оборвал меня он.

– Это я уже понял, – проворчал я. – Но я хочу узнать, как вы учитесь, как работаете, чем занимаются низшие и полукровки в свободное время, что думают о чистокровных, хотят ли они лучшей жизни, что для этого делают.

Скэриэл недоверчиво проговорил:

– С чего вдруг такая заинтересованность?

Я опешил, начисто забыв о том, что нужна хоть одна убедительная причина для внезапно нахлынувших расспросов.

– Просто... – медленно ответил я, понимая, насколько глупо это звучит, – интересно.

– У тебя что-то случилось?

– Нет, – поспешно произнёс я. – Я что, просто не могу задать тебе вопросы?

Скэриэл сверлил меня долгим взглядом, отчего у меня противно засосало под ложечкой. Было неприятно ему врать. Казалось, что я предаю нашу дружбу. Внезапно Скэриэл поднялся на кровати и резко спустился ко мне, словно боялся, что я сейчас сбегу. Сел он совсем близко, так что я мог дотронуться до его плеча, протянув руку. Я уже пожалел о том, что не стал включать свет.

– Просто знай, – начал он тихим голосом; пришлось напрячься, чтобы чётко расслышать его, хоть мы и сидели рядом, – если у тебя что-то случилось, ты можешь всегда со мной поговорить.

Я медленно кивнул. Скэриэл нежно сжал мою руку и тепло улыбнулся.

Никогда в жизни я не чувствовал себя так поганно, как сейчас. И я точно не заслуживал такого друга, как он.

V

Сегодня я впервые надел мамин шарф в лицей. С её смерти прошло три года, мне успело стукнуть семнадцать, а я всё ещё не мог со спокойным сердцем смотреть на её надгробие. Каждый раз, стоило приехать на кладбище, мне казалось, что всё это так неправильно, несправедливо, что мы не должны быть здесь. Что *она* не должна быть здесь... Холодный мраморный ангел, прильнувший к надгробию, выглядел изысканно, благородно, но ни капли не сочетался с яркой маминой улыбкой на фотографии.

Шарф был до абсурда нелепым, но всё же я держался за него, словно этот кусок ткани прочно связывал меня с мамой. Я до последнего убеждал себя, что там, на небе – вне всяких сомнений, она в раю, – мама обрадуется, увидев меня замотанным в её подарок.

Странно, но о маме я никогда не думал как о чужом человеке. Между мной, отцом, Гедеоном и Габриэлкой мигом выстроилась стена, стоило мне узнать о том, что я потерянный сын Бёрко. Даже раньше я чувствовал, как мы не сходимся характерами. Но мама всегда оставалась мамой. У неё были тёплые руки, нежный смех, забавное чувство юмора, а как она любила танцевать! Включала польку и приглашала меня присоединиться. И, чтобы подыграть ей, я просто дрыгался в такт музыке, чем очень веселил её. К нам обычно приходила Габри, и тогда, взявшись за руки, мама с ней кружилась, заливаясь громким радостным смехом. Гедеон проходил мимо, но, бьюсь об заклад, на его лице появлялась незаметная улыбка. Раньше он чаще улыбался, не то что сейчас. Отец любил такие вечера и с удовольствием позволял маме вовлечь его в этот шумный балаган. Он брал маму за руку, притягивал к себе и танцевал так, словно больше не было никого на свете. Габриэлка кричала рядом, смеялась, прыгала с дивана на кресло, вцеплялась в меня и повисала, как тяжёлый мешок, желая, чтобы я поднял её на руки. Гедеон ворчливо просил быть потише, но сам не спешил покинуть гостиную, наблюдая со стороны. Я замечал, как он слегка кивает в такт музыке. Сильвия выглядывала из холла; тёплая улыбка появлялась на её строгом лице. С кухни, хихикая, приходили на звуки музыки и смеха Кэтрин и Фанни. Однажды Гедеон пригласил Кэтрин на танец, заметив, как она хочет присоединиться ко всеобщему веселью, но стесняется хозяев.

Тогда, наблюдая за другими, я хотел поскорее подняться к себе в комнату, но увидел, что Фанни пританцовывает на месте. Вдохновлённый поступком брата, я тоже пригласил кухарку на танец. Быстро взяв меня за руку, она пустилась в пляс. Садовник, Кевин и ещё несколько человек из персонала наблюдали за нами из открытого окна. И, когда уровень веселья переходил все мыслимые барьеры, даже Кевин на лужайке брал кого-нибудь под руку – краем глаза я видел их макушки во дворе, – и они тоже танцевали, заливаясь задорным смехом.

Больше не будет как прежде. В этом доме всё замерло и затихло со смертью мамы.

Я предложил Скэриэлу на днях навестить Кевина. Он поддержал моё предложение и посоветовал, почему сам до этого не додумался. По правде говоря, давно следовало это сделать. В день, когда Кевин покидал наш дом, я пообещал, что обязательно навещу его у Томаса, но забыл об этом, потонув в своих проблемах.

В лицее тоже не всё было гладко. Весь день Оливер бродил без настроения. На занятиях сидел, уткнувшись в тетрадь. Казалось, он избегал любого зрительного контакта. Оливия, напротив, сияла, лучезарно улыбалась всем, словно пыталась своим оптимизмом затмить угрюмого брата.

На последнем уроке я получил записку от Леона: «Что с Оливером?»

«Не знаю, может, проблемы в семье?» – уклончиво написал я в ответ.

Леон отреагировал молниеносно: «Может, ему нужна помощь? Давай после уроков поговорим с ним?»

И вот что прикажете делать? Замкнутый круг. Я знал о проблеме Оливера, Оливия знала, даже Скэриэл, но Леон оставался в неведении. И, что смешнее всего, мы все догадывались, что у Кагера не всё гладко в жизни, в семье, но он героически рвался помочь другому. Меня так и подмывало написать: «А тебе самому помощь не нужна?» Но я знал, что поступлю как последняя сволочь.

У меня не было ни малейшего представления, как выкручиваться из сложившейся ситуации. Что ответить Леону? Если Оливер не поставил его в известность, значит, не больно ему этого и хотелось. Хрупкий, беспомощный Леон, ну чем он мог помочь Оливеру? Даже я не мог ничего предпринять; уверен, Оливер пришёл ко мне, чтобы разделить с кем-нибудь свою боль. Он совсем не ждал, что я реально смогу разрешить его проблему.

Леон ждал моего ответа.

«Может, не стоит? Вдруг он не хочет ни с кем делиться? Может, он просто поссорился с сестрой», – попытался выкрутиться я, но звучало неубедительно.

Спустя долгие пятнадцать минут на мой стол вернулась записка: «Возможно, ты прав...»

Не знаю, поверил Леон в это или нет, но в любом случае у него не было выбора. Без моего энтузиазма его запал сошёл на нет.

Сегодня левое запястье Кагера было перебинтовано. Я вспомнил ладонь Оливера и задумался над тем, самостоятельно ли Леон ушибся или кто-то приложил к этому руку. Может, это его дядя, на которого мы со Скэриэлом частенько думали, или очередная выходка Клива, который не унялся после нашей взбучки в туалете.

Я раскрыл лист и написал: «Что с твоим запястьем?»

Леон взял ручку и быстро написал ответ; убедившись, что преподаватель не смотрит, передал мне сложенный лист. «На репетиции «Щелкунчика» ушибся».

Я вспомнил разговор со Скэриэлом. Как он говорил... «Если у тебя что-то случилось, ты всегда можешь со мной поговорить». Допустим, если я напишу такое Леону, не будет ли это перебор?

Я просидел добрых пять минут, подбирая нужные слова. Это оказалось не так уж и легко. Как намекнуть человеку, что, если он всё-таки жертва, выход есть? А если не жертва, то я попаду впросак и выставлю себя идиотом, что, впрочем, не в новинку для меня.

После окончания занятий я вновь по привычке направился к парковке. Как оказалось, без личного шофёра очень тяжело. Приходилось постоянно заказывать такси, ещё неизвестно, какой достанется водитель.

Сегодня меня повёз домой молодой полукровка. Учтивый – бросился открывать мне дверь; общительный – пару раз пытался завести беседу; и шумный – поняв, что я без настроения, просто болтал о своём.

– В центре мне нравится. А кому бы не нравилось? Чисто, безопасно, да и контингент порядочный. Вот только агрегаторы слишком завысили суточную плату: помимо того, что я плачу за аренду авто – машина, конечно, крутая, я давно хотел ездить на автомобиле премиум-класса, – так ещё оплачиваю бензин, комиссию, нет, вы только представьте, мистер чистокровный, двадцать процентов! Так плата за поездки для пассажиров снизилась! Комиссия растёт, а плата снижается. Где бы вы такое ещё увидели? – Он посмотрел на меня в зеркало заднего вида и, словно извиняясь, произнёс: – Да, простите, я тут жалуясь вам, а вы слишком молоды, чтобы во всём этом разбираться.

– Продолжайте, мне интересно.

– О, благодарю вас, мистер чистокровный, сэр. Так, о чём это я? Агрегатор даже за программное обеспечение плату берёт. Да, небольшую в месяц, но к концу года накапливается приличная сумма. Вот и приходится работать днями и ночами, чтобы хоть как-то отбить эти деньги. А если я ещё получу штраф, то всё, останусь без денег. А что в итоге? Я устаю, очень хочу спать, так ещё мне надо есть, а машину надо постоянно мыть, чтобы выглядела презен-

табельно. Я уже не говорю про чистку салона, даже вот эти ароматизаторы, – он указал на мультяшных персонажей на приборной панели, – стоят прилично. Они очень нравятся детям, когда я перевожу семьи чистокровных. Чувствуете, пахнет хвоей? Это вот они, родненькие, но дорогие, скажу я вам.

– Да, чувствую, – кивнул я.

Внезапно мне понравилось слушать этого болтливого водителя, я даже на минуту забыл о своих проблемах, вникая в его монолог.

– Для чистокровных, кстати, плата за поездку завышена. Для полукровок чуть ниже. Вот вы когда скачивали приложение и регистрировались, вы отмечали в своей анкете, что вы чистокровный?

– Ага.

– Вот! – победоносно произнёс он. – Транспортная компания – это вам не хухры-мухры, они хитрые, знают, у кого больше денег. – Он снова посмотрел на меня. – Простите, если я вас чем-то задел.

– Ничего.

– Я вам советую удалить анкету и заново скачать, а потом в графе «Статус» поставить «полукровка» – сэкономите прилично. – Он по-приятельски улыбнулся мне.

– Спасибо за совет, обязательно воспользуюсь.

Мы подъехали к дому, но не успел я отстегнуть ремень безопасности, как водитель ринулся ко мне, спеша открыть дверцу.

– Всего хорошего, мистер чистокровный, сэр. С вами приятно было ехать.

– С вами тоже, мистер полукровка. – И, чуть помедлив, я добавил: – Сэр.

Он весь светился, как рождественская ель.

Я стоял, наблюдая за тем, как его машина уезжает. Когда он скрылся за углом, я вытащил из кармана смартфон и посмотрел стоимость поездки. Как я и думал, сущие гроши, но если посчитать, сколько должен потратить водитель, то получается, что он уходит в минус. На экране высветилась форма оценки поездки, я поставил высокие баллы и ещё перевёл на личный счёт водителя чаевые – в пять раз больше, чем стоила поездка. Мне показалось, что это была моя самая лучшая трата денег за последнее время.

Отец сегодня вернулся домой рано. Я знал, что разговора нам не избежать. Он и так оттягивал этот момент не меньше меня, но всему хорошему рано или поздно приходит конец.

После того как я переоделся и поел в одиночестве – из лица приехал поздно, отец с Габриэлем уже успели пообедать, – засел за домашнее задание, но меня не покидала мысль: «Сейчас кто-то из прислуги пригласит меня в кабинет к отцу». Время шло, я пытался решать алгебру, но то и дело возвращался мыслями к предстоящему разговору. Продумывал контраргументы на его очередные нелепые доводы в пользу того, что все полукровки не больше чем рабочая сила. Это настолько захватило моё воображение, что я уже не мог сосредоточиться ни на чём другом, кроме как на будущем разговоре с отцом. Я не откажусь от дружбы со Скэриэлом. Больше того, я опять потребую вернуть Кевина на должность моего шофера. Хочет он этого или нет, но я буду стоять на своём.

Когда раздался стук в дверь, я чуть было не взвизгнул от испуга. Настолько погряз в своих воображаемых баталиях, что позабыл о реальном мире.

– Господин Готье, господин Уильям просит вас в свой кабинет, – проговорила Лора.

Я вздохнул, приходя в себя.

– Понял, спасибо!

Этот час настал. Я выскажу отцу всё, что о нём думаю. Если, конечно, не струшу под его тяжёлым взглядом.

Уже у его двери мой боевой настрой начал предательски спадать. Я поправил одежду, набрал в лёгкие воздуха и постучался.

– Входи, – громко раздалось по ту сторону.

Идти до конца! Я вошёл в кабинет.

– Присядь, – махнув рукой, отец указал на кресло напротив стола.

Моя решимость кричала о том, чтобы встретить отца стоя, уверенно глядя ему в лицо, но вместо этого я покорно сел, пока он подписывал документы.

– Как твоя подготовка к экзаменам? – не глядя на меня, спросил отец.

Более-менее. Скорее даже менее. Точнее, я вообще забыл про экзамены, спасибо, что напомнил.

– Идёт полным ходом, – твёрдо сказал я.

– Это хорошо, – произнёс он. – Что по поводу наставника?

Чёртовы наставники. Сдались они мне, ей-богу. Нет уж, обойдусь. Я могу отказаться? Так вот, я отказываюсь. Хватит с меня. Весь первый год в Академии Святых и Великих будет для меня сплошным стрессом, не хватало ещё хмурого Гедеона или ленивого Оскара за спиной. Нет, серьёзно, о чём отец думает, предлагая их? Он же не настолько слеп, чтобы не замечать, как ко мне относится брат?! Про Оскара я вообще молчу.

– Да, я много думал об этом, – проговорил я, – и решил, что...

Что в гробу я видел этих наставников.

– Гедеон хочет быть твоим наставником, – прервал меня отец.

Ха! И ещё раз – ха!

Гедеон в гробу меня видел, вот это уж сто процентов, без вариантов. Такое чувство, что отец живёт в своём собственном мире, где в семье царит любовь и гармония, а мы с Гедеоном живём душа в душу, как истинные братья.

– Не думаю, что Гедеон этого хочет, – неуверенно сказал я.

– Я слышал, что Оскар хотел быть твоим наставником. Он с тобой уже об этом поговорил?

Поговорил, а затем увёз в Запретные земли и бросил там.

– Да, он спрашивал, – начал было я.

Отец оторвался от документов и внимательно посмотрел на меня.

– Но я не хочу, чтобы Оскар был моим наставником.

– Интересно, – протянул он. – Ни брат, ни Оскар. Так кого ты хочешь в качестве наставника? Выбрал другого претендента?

Я взял себя в руки и посмотрел отцу в глаза. До этого я малодушно избегал его взгляда, уставившись на ковёр. Мне очень хотелось увидеть его реакцию.

– Да, выбрал.

Вообще не выбрал, даже думать об этом не смел. Какие тут наставники, когда совсем недавно я узнал о том, что всё кругом обман.

– И кто это?

Отец нетерпеливо барабанил пальцами по столу.

– Люмьер Уолдин.

Надеюсь, он не успел выбрать себе другого первокурсника.

Отец удивлённо посмотрел на меня, повторил: «Люмьер Уолдин?» – словно пробовал имя на вкус.

Я ждал его вердикта.

– Хорошо, – произнёс он, словно сам был изумлён моим выбором, но в конце концов остался доволен.

Просто камень с души. Ещё бы Люмьер знал об этом.

– Ты спросил его? Или это он тебе предложил?

Я чуть было не ответил «да» на два противоположных вопроса.

– Я, то есть он, – торопливо выпалил и прикусил губу, чтобы не ляпнуть что-то ещё. Помедлив, снова ответил: – Точнее, это был я. Спросил его, может ли он быть моим наставником. Так всё и было.

«Господи, – пронеслось в моей голове, – помолчи, ни слова больше». Я самолично рыл себе яму.

– Люмьер – достойный выбор, – ответил отец спустя минуту.

– Я хотел сказать вам кое-что ещё, – набравшись храбрости, произнёс я.

– Да?

Я поднялся, надеясь, что, если буду крепко стоять на ногах, моя тирада прозвучит убедительнее.

– Скэриэл мой друг, нравится вам это или нет. Я буду с ним дружить, потому что он хороший человек. Он не совершал ничего плохого. Если родиться полукровкой – это ошибка, то я жалею, что родился чистокровным, – враждебно выпалил я.

VI

Отец выглядел так, словно его огрели чем-то тяжёлым по голове.

Удивление сменилось замешательством, я впервые видел его в таком состоянии. Он глубоко вздохнул и быстро взял себя в руки. Теперь отец смотрел сурово, я бы даже сказал, с подозрением, как будто не верил, что эти слова были произнесены мной.

– Жалеешь, что родился чистокровным? – с расстановкой повторил он и смерил меня убийственным взглядом.

Тело покрылось холодным липким потом, ноги задрожали, ещё чуть-чуть, и подкосились бы. От былой уверенности не осталось и следа. Я сжал руки в кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

Его разочарованию не было предела. Не отрывая взгляда, отец медленно поднялся. Мне хотелось отвести глаза, спрятаться, забиться куда-нибудь и переждать бурю, но я заставлял себя, требовал: «Смотри ему прямо в глаза, покажи, что ты уверен в своих словах, даже если внутри ты весь содрогаешься от страха».

Когда внушительная фигура появилась напротив, ко мне пришло пугающее осознание. Отец никогда не согласится с моим мнением, никогда не примет Скэриэла и не вернёт Кевина. Я так и останусь для него чужаком, посягнувшим на всё святое в этой семье и попытавшимся оспорить его авторитет. Я шёл по лезвию ножа, рискуя всем.

– Ты никогда не голодал, Готье, – его голос звучал строго, – у тебя были дорогие игрушки в детстве, ты учишься в лучшем заведении, тебя окружают люди из высшего общества, ты получаешь всё, чего захочешь, – он давил каждым «ты», «тебе» так, что становилось невыносимо слушать, – любой каприз, любое пожелание... Я позволял тебе так много. – Отец весь клокотал от гнева. Мне стало нечем дышать, будто резкими словами он бил под дых. – Видимо, я позволял тебе слишком много и тем самым избаловал. Ты не ценишь ничего из того, что у тебя есть. Этот полукровка, – отец смотрел с презрением, – он хитрый оборванец, вцепился в тебя клешнями и пользуется, а ты, – он свирепо указал на меня пальцем, – не замечаешь этого. У тебя нет жизненного опыта, и ты доверяешь, подумать только, кому? Полукровкам? Ещё скажи, что жалеешь низших! – крикнул он напоследок, отчего я вздрогнул.

Я сдался и отвёл взгляд. Меня трясло. Он был прав, и в то же время я отказывался принимать это. Отец развернулся и подошёл к окну. Я был рад, что он больше не смотрел на меня, не сверлил уничижительным взглядом.

Мы долго молчали. Я слышал весёлые крики Габи с улицы; кажется, она собирала букет из опавших листьев. Но её голос был настолько далёк, словно доносился из другого мира. Я уже было решил, что отец возненавидел меня, что не желает даже закончить разговор должным образом. Но тут он снова громко вздохнул. Это был тяжёлый, полный печали вздох.

– Твои слова больно ранили меня. «Жалею, что родился чистокровным». Что бы сказала мама? – задумчиво произнёс отец. – Ты хотел бы родиться в другой семье? В семье полукровок? Тебе здесь плохо? Поэтому ты попытался сбежать?

Он знал о неудавшемся побеге, но ничего до этого мне не говорил. Я закусил губу, не зная, что ответить. Казалось, силы меня оставили, а голос потерял. Я просто мечтал как можно скорее покинуть кабинет.

– Что я делаю не так? Ты хочешь, чтобы я относился к полукровкам как к равным. Ты хочешь дать им наши права. Давай поселим каждого полукровка в центре. Через неделю всё будет изгажено, испорчено, осквернено. – Отец снова начал заводиться, но остановил себя. Чуть помолчав, он продолжил спокойным голосом: – Этот мир не просто так создал нас разными, Готье. Почему одним дана свыше тёмная материя, а другим нет? Не задумывался об этом? Так было predetermined. Одни хороши в управлении, другие в исполнении обязанно-

стей, а третьи не способны ни на что. Посади кухарку руководить страной – и не выйдет ничего хорошего. Каждому своё место. – Помедлив, отец тихо добавил: – Со временем ты поймёшь.

Я молчал, сдерживая слёзы. Совсем не хотелось плакать при нём, как дитя.

– Готье, не совершай моих ошибок. По молодости я тоже дружил с полукровками. – Я ошеломлённо воззрился на отца, но он смотрел в окно. – Это не дружба. Они используют тебя, прекрасно понимая, что ты владеешь тем, чего у них нет: власти, денег, связей. Отношения ради выгоды.

– Вы дружили?.. – тихо переспросил я.

Он повернулся ко мне. Горькая улыбка коснулась его лица.

– Ты повторяешь мои ошибки. Тогда, будучи молодым и наивным, я разочаровался в дружбе. Не хочу, чтобы это произошло и с тобой. – Его голос смягчился. Казалось, что он жалеет о своих грубых словах. – Подойди.

Я неуверенно сделал пару шагов. Отец раскрыл руки, приглашая к себе. Наверное, я никогда не был так растерян, как сейчас.

Он сделал шаг навстречу и, обнимая, притянул меня к себе. Вблизи он казался ещё выше. Мужской парфюм, тот самый, что прочно ассоциировался у меня с отцом, сразу ударил в нос. Родной запах. Тот парфюм, который однажды давным-давно подарила ему мама. В глазах предательски защипало. Как бы я хотел сейчас обнять её и тоже вот так стоять, ощущая тепло нежных рук. Она бы поняла меня.

Отцовская ладонь мягко легла мне на макушку. Щекой я чувствовал ткань шерстяного пиджака.

– Как ты быстро вырос, – проговорил он тихо, с сожалением. – Я не хочу, чтобы полукровка обидел тебя.

Отец избегал его имени.

– Простите меня, пожалуйста, за тот раз, – внезапно начал я, не справляясь с нахлынувшими чувствами, – когда я воспользовался тёмной материей. Я не хотел.

– Я знаю. – Отец отпустил меня, и мы неловко встали рядом.

– Мне очень жаль. Правда. Я места себе не находил. – От переживаний я принялся щёлкать пальцами, но мигом себя остановил, понимая, как это раздражает.

– Да, Гедеон рассказывал.

– Гедеон? – Я поднял голову и посмотрел на отца.

– Он наблюдает за тобой и рассказывает о твоих делах.

Наблюдает? Рассказывает о моих делах? Гедеон? Слишком много вопросов, от которых голова кругом.

Я чувствовал, что отец смягчился, поэтому решил осторожно вернуться к исходной теме. Первая моя речь, сказанная на эмоциях, вышла никудышной. Теперь я решил пойти другим путём. Всё ещё было страшно с ним говорить, но то, как смущённо, с лёгкой долей неловкости он смотрел, придало сил. Значит, не мне одному тяжело давался этот разговор.

– Отец, я понимаю ваши опасения по поводу, – я решил, что будет разумно избегать имени Скэриэла, – моих друзей. Но я взрослею и хочу сам узнать, кто мне друг, а кто нет. Методом проб и ошибок. – Я молниеносно подбирал слова, вспоминая статью на тему отношений, которую прочитал час назад. – Я готов набивать шишки, но это будут мои шишки. – Выделив голосом «мои», я серьёзно продолжил: – Обещаю, что буду очень осторожен, и если что-то пойдёт не так, то сразу вам всё расскажу.

Он смотрел долгим, изучающим взглядом, словно пытался запомнить каждый дюйм моего лица. Я выдержал его взгляд, желая во что бы то ни стало идти до конца, потому что понимал: если не сейчас, то больше никогда у меня не получится с ним поговорить по душам. Возможно, впервые мы говорим как отец и сын – как близкие люди.

Внезапно он кивнул.

– Хорошо, – чуть жёстче произнёс отец, видимо, не уверенный в своём решении, – ты можешь с ним видаться, – эта фраза далась ему тяжелее всего, – но взамен я предложу тебе кое-что. Есть хороший психиатр, мне посоветовали. Ты не против сходить к ней на приём?

– Психиатр? – Меня передёрнуло.

– Пара сеансов со специалистом, ничего серьёзного.

– Вы думаете, у меня крыша поехала? – начал злиться я.

– Не носи ерунды, Готье, – недовольно выдал отец. – Психиатр тебе нужен для экзамена по тёмной материи. Я знаю, что практика сложно даётся, но ты силён, – он усмехнулся, как будто намекая на то, что я сбил его в холле, – значит, дело не в самой материи.

Я нахмурился, не ожидая такого предложения. Звучало так, словно он действительно хотел помочь.

– Тогда вы разрешите дружить, с кем я хочу?

– Я разрешаю тебе общаться и видаться со... – помедлив, он выплюнул: – Со Скэриэлом. Но, если я узнаю, что он тебя использует, пеняй на себя.

Отец точно подобрал слова, как будто словосочетание «дружить со Скэриэлом» звучало оскорбительно.

– Согласен. Пара сеансов с психиатром, – кивнул я в ответ.

Неужели мы пришли к компромиссу... Выходил я из кабинета отца так, словно голыми руками поборол самого яростного льва на свете. И, только оказавшись в своей комнате, понял, что забыл спросить про Кевина.

Через пару дней мы собрались у Скэриэла. Близнецы Брум явились, когда Скэриэл объяснял мне, почему ни Джерома, ни мистера Лоу нет дома.

– Они в Запретных землях. Эдвард уехал по работе, а Джером встречается со своим старым другом.

– Давно я их не видел.

– Соскучился? – хихикнул он.

Я пожал плечами.

– Может.

Оливер вошёл первым. Шагнул он стремительно, на ходу стягивая пальто и небрежно бросив его на диван, вместо того чтобы повесить.

– Ну что? Прошу, не томи, – практически взмолился Оливер, обращаясь к Скэриэлу.

Оливия ослепительно улыбалась нам и неторопливо складывала свой мятный шарф.

– Привет, ребята, – поприветствовала она нас.

– Привет, – ответил ей Скэриэл и повернулся к Оливеру: – Да, всё в порядке. Не переживай. Я достал фотографии.

– Господи боже мой, – вздохнул с облегчением Оливер и плюхнулся на диван. Он выглядел так, словно впервые за долгое время успокоился.

Оливия впорхнула в гостиную и легко села рядом с братом. Сегодня её волосы были уложены в пучок. С такой причёской я видел её нечасто, но выглядела она, честно говоря, потрясающе в белом свитере с высоким воротником и в длинной, до лодыжек, бордовой юбке. Ей бы ещё берет – вылитая француженка.

– Мы вчера катались на лошадях, – поделилась она с нами. – Вам стоит присоединиться к нам.

Не знаю, чья это была прихоть, но с недавнего времени близнецы начали посещать раз в неделю клуб верховой езды. До поступления в Академию Святых и Великих Гедеон тоже охотно посещал его и был без ума от лошадей. Я же предпочитал наблюдать за ними со стороны, особенно после того случая, когда конь Гедеона наступил мне на ногу. Может, именно в этом и кроется моя проблема с танцами.

– Господи, Ви! – внезапно с раздражением бросил Оливер и скривился, как от зубной боли. – Хватит строить из себя принцессу.

– Прекрати срывать на мне свой гнев, – холодно ответила она, повернувшись к брату.

– Да они всё знают! – взревел Оливер, указывая на меня и Скэриэла. – Я рассказал им, что ты мне руку порезала и телефон утопила.

Мы со Скэриэлом переглянулись и замерли, оба не знали, что ещё добавить. Кажется, об этом знал только я, но Скэриэл не подал виду.

– Рассказал? – уточнила она.

– Да, да, – повторил брат. – Прекрати изображать бог знает кого. Будь собой хоть здесь. Тебе самой не надоело?

Она замолчала, словно задумалась. Прошли долгие минуты, прежде чем Оливия что-то для себя осознала. Я чуть было не разинул рот, когда на её ангельском личике появилась сердитая складка между бровей. Глаза неожиданно сузились, губы плотно сжались, и она с обидой посмотрела на брата. От прежней Оливии не осталось и следа.

– Ну что ж, спасибо, – резко проговорила она.

Оливер закатил глаза.

Внезапно Оливия подняла руки и, поколдовав над пучком, вытащила четыре шпильки, затем небрежно размотала пряди и удовлетворённо выдохнула, когда копна волос тяжело опустилась на плечи. Она поправила волосы и произнесла:

– Вы просто сейчас не понимаете меня. От пучка у меня аж голова заболела. Боже, как хорошо... – простонала она и, запустив руки в волосы, помассировала кожу головы.

Пока мы со Скэриэлом удивлённо наблюдали за ней, она торопливо стянула через голову свитер, оставшись в белой майке, сквозь которую просвечивал лифчик. Я залился краской и отвернулся к окну.

– Скэриэл, я буду тебе премного благодарна, если ты дашь мне футболку. Мне и в майке неудобно.

Стараясь не смотреть на неё, я бросил беглый взгляд на Лоу.

– Ага, – кивнул он, заворожённо глядя на Оливию. Я даже не мог его упрекнуть в этом.

– Футболка? – с улыбкой повторила она, когда Скэриэл не сдвинулся с места.

– Да, точно, сейчас. – Ещё секунду он пялился, а затем бросился к лестнице.

Единственным, кто ничему не удивился, был Оливер. Он нервно качал ногой и тёр ладони. Да и в целом выглядел Брум всё ещё беспокойно, в то время как его сестра, кажется, чувствовала себя совершенно в своей тарелке.

Когда Оливия надела чёрную футболку Скэра, то почти потонула в ней. Комфортно устроившись на диване, она положила ногу на ногу и довольным тоном выдала:

– Так-то лучше.

Я и Скэриэл всё ещё смотрели на неё, оба поражаясь внезапным изменениям.

– Ну что? – бросила она. – Вот я настоящая. Привыкайте.

– А ты разгроми тут комнату и переверни стулья на кухне, чтобы они точно познакомились с настоящей тобой, – пробубнил Оливер себе под нос, за что получил локтем в бок. – Ай!

– Хорошего понемножку, – весело ответила Оливия. – Я же не хочу, чтобы они попадали в обморок.

– Как будто тебе вообще есть до них дело...

– Иди к чёрту, милый, – нежным голосом проворковала она.

Оливер громко хлопнул в ладоши, отчего я вздрогнул, и резко встал.

– Ну что там с фотками?

– Да зачем вам фотки? – Оливия закатила глаза; клянусь, в этот момент она выглядела так же, как Оливер. Потрясающее сходство. – Просто напиши заявление по поводу шантажа на этот кусок дерьма.

Крепкие словечки, вылетающие изо рта Оливии, поразили меня. Так вот что чувствовал отец, когда я высказал ему сегодня по поводу Скэриэла. Теперь я его понимал.

– Нет! Отец так может узнать! – Оливер гневно посмотрел на неё. – И ты не смей ему говорить!

– Больно надо, – бросила Оливия, отвернувшись.

– В общем, – подал голос Скэриэл, – есть кое-что. Не самое лучшее качество, но что есть, с тем и будем работать. – Он потянулся к рюкзаку и достал фотографии. – Вот.

– Ну хоть что-то, – нетерпеливо проговорил Оливер, протягивая руку.

Я подошёл ближе и принялся рассматривать снимки. Бернارد – это, без сомнения, был он, хоть изображение и нечёткое, так ещё сделанное в тёмном помещении, – в окружении двух человек нагнулся к белой дорожке на столике. Усомниться в его действиях мог только наивный глупец.

– Это лучшее, что я видел в своей жизни, – медленно проговорил Оливер, и Оливия приснула от смеха. Брум повернулся к Скэриэлу и восхищённо посмотрел на него: – Я не знаю, как тебя благодарить. Ты мне жизнь спас.

– Я был рад помочь, – смущённо сказал Скэриэл.

– Это просто охренеть, – оценил я. – Это что? Он наркоман?

– Да хоть серийный маньяк! – Оливер прижал снимки к груди. – Это моё спасение.

– Ага, похоже на кокаин, – подтвердил Скэриэл.

– Вот дела... – только и смог вымолвить я.

– А телефон ты зачем утопила? – вдруг весело спросил Скэриэл у Оливии.

– Потому что мой братец, глупый маленький мальчик, считал, что, если он будет долго упрашивать этого придурка, тот над ним сжалится.

– Да какая уже разница, – беззлобно сказал Оливер, рассматривая снимки.

– «Пожалуйста, Бернارد, пожалуйста, не надо, я не могу достать список вопросов мистера Барнса, ну прошу тебя, ы-ы-ы», – спародировала Оливия брата, чуть понизив тон.

– А что оставалось делать?! – вспыхнул Оливер. – Если бы не это, – он помахал фотографиями, – я бы сейчас повесился, честное слово!

– Повесился, как же, – насмешливо проговорила она. – Кто бы тебе разрешил! Истеричка.

– Сама истеричка! – не унимался Оливер. – Кто мне ладонь порезал? У тебя проблемы с головой. Лечиться надо. Бешеная.

– У кого проблемы с головой, так это у тебя, – с ироничной улыбкой проговорила Оливия и сладко добавила: – Это же не я встречаюсь с мудаками.

– И так каждый день, – устало выдал Оливер. – Такого и врагу не пожелаешь.

– А ладонь зачем? – весело спросил Скэриэл. Кажется, ситуация его только забавляла.

– Молчи, – гневно предостерег Оливер, глядя на сестру.

Я уже заранее знал, что она точно не послушается.

– Ну... после того как я избавилась от его телефона, этот... – Оливия не могла подобрать слова, чтобы точно описать брата, – идиот собрался домой к Бернardu, чтобы умолять его на коленях.

– Ладно, хватит мусолить прошлое! – рявкнул Оливер. – У меня теперь другая проблема. Что дальше делать? Как шантажировать Бернарда?

– Хороший вопрос, – хитро улыбнулся Скэриэл.

VII

Люмьер разразился громким заразительным смехом, привлекая внимание редких прохожих, гуляющих в парке. Проходящая мимо пожилая дама смерила нас недовольным взглядом. Чуть поодаль двое рабочих-полукровок оглянулись, но быстро вернулись к сбору опавших листьев. Я натянул мамин шарф на подбородок, прячась от сильного порыва ветра.

Люмьер был в прекрасном расположении духа, в отличие от меня. Я бы присоединился и вдоволь посмеялся вместе с ним, не будь я при этом главной причиной столь бурных эмоций. Прошли долгие минуты, прежде чем он сквозь смех произнёс:

– Повтори, что ты сейчас сказал.

– Эм, – сконфуженно выдал я.

Наверное, я выглядел настолько сбитым с толку, что у Люмера в какой-то момент проснулась совесть. Он жестом указал мне на ближайшую скамью.

– Прости, я просто... – продолжил он, широко улыбаясь, и сел рядом, закинув ногу на ногу. – Мне, кажется, слышалось, или ты сказал... – растягивая слова произнёс Люмьер, словно вновь был готов рассмеяться.

Он целенаправленно вынуждал меня повторить сказанное, словно не верил своим ушам.

Это было субботнее утро. Я предложил Люмьеру встретиться, чтобы попросить о помощи. В моём представлении мы бы серьёзно поговорили, но вся серьёзность слетела ещё до того, как я открыл рот. Люмьер сегодня просто светился от радости. Его не смущало, что я попросил о ранней встрече, ему не мешал сильный промозглый ветер, при том что я уже дрожал как осиновый лист. Это я предложил встретиться в парке подальше от лишних глаз, о чём уже жалел, но старался не подавать виду. Всю ночь думал о том, как сообщу Люмьеру о наставничестве, и надеялся, что он не откажет мне.

Я выдохнул и быстро произнёс:

– Позавчера я сказал отцу, что ты согласился быть моим наставником в Академии Святых и Великих.

Он задумчиво посмотрел на занятых делом работников, затем на меня. Казалось, теперь он воспринял мои слова всерьёз.

– Удивительно, – выдохнул Люмьер и торопливо взглянул на наручные часы. – Сейчас девять утра. Ты ещё не сказал Гедеону?

– Нет...

Он хмыкнул.

– Так вот почему мы живы, верно? Он просто ещё не в курсе, – словно самому себе произнёс Люмьер. – Гедеон нас убьёт.

– Не думаю, что это произойдёт, – нерешительно возразил я.

Мне абсолютно не нравилось, куда вёл наш разговор. Я рассчитывал поговорить о чём угодно, но не о старшем брате. Не о неродном старшем брате.

– Уверяю, когда он узнает, наши тела по частям будут захоронены в разных уголках Запретных земель.

– Но он не хочет быть моим наставником, – твёрдо сказал я.

– Бьюсь об заклад, что ты его не спрашивал.

– О чём?

– О том, хочет ли он стать твоим наставником.

– Да он меня на дух не переносит. – Я поёжился и уставился на свои ботинки.

– Вы вообще разговариваете? Ну, знаешь, через рот, словами. – В голосе Люмера послышались язвительные нотки.

– Нет. – Это было единственное, что я мог уверенно сказать, когда дело доходило до Гедеона.

– Советую. Хороший способ узнать человека поближе. Просто десять из десяти. Лучше, чем обходить стороной и домысливать за других.

– Скажи это Гедеону.

– Каждый день говорю, но, видимо, упёртость у вас в крови.

– Ты же знаешь, мы не родные... – нахмурился я.

– Это не отменяет того факта, что он заботится о тебе. Думаю, он планировал стать твоим наставником.

Я продолжал недовольно сверлить Люмьера взглядом.

– Да, забота у него своеобразная, – чуть помедлив, согласился он.

– Я знаю, что это прозвучит внезапно, но ты, – я голосом выделил местоимение, – можешь стать моим наставником?

– И тем самым подписать себе смертный приговор? – хохотнул Люмьер.

– Это значит нет? – Тут я окончательно сник.

– Я не отказал тебе. Просто пытаюсь просчитать все пути отхода. Знаешь, до этого дня я был уверен, что Гедеон будет твоим наставником. Да он скорее мне голову отгрызёт, чем позволит нам общаться. Гедеон уверен, что я на тебя плохо влияю.

– Но это не так, – удивился я.

– Просто я ещё не влиял. – Люмьер мягко улыбнулся и добавил: – У меня не самая хорошая репутация. По мнению Гедеона, с тобой может общаться только... кхм, – он задумался и игриво закончил: – Никто?

– Ха-ха, – по слогам хмуро бросил я.

– Он тот ещё собственник.

– Знаешь, а мне всё равно. Он мне не брат, – внезапно повысил голос я, о чём тут же пожалел.

Люмьер хмыкнул, но ничего не ответил. Мы ещё посидели в тишине; он вальяжно прислонился к спинке скамьи, рассматривая раскинувшуюся вдалеке поляну, а я в очередной раз поймал взглядом полукровок.

– Если бы не произошёл этот переворот, то всё было бы по-другому, – задумавшись, проговорил Люмьер.

Я молчал.

– Твой брат, Паскаль Бёрко, мог быть первым наследником, стать императором, – размышлял он вслух. – Гедеон, я, Оскар и Бернард должны были войти в круг ваших приближённых. И если бы каждый из нас пошёл по стопам отцов... Если бы мой отец был жив.

Он затих, и тогда я нерешительно проговорил:

– Мне жаль.

Внезапно Люмьер расхохотался. От испуга я вздрогнул и удивлённо уставился на него.

– Представь, если бы Оскар стал министром торговли! – Сквозь смех Люмьер продолжил: – Господи, да Вотермил разворует всё, что можно и нельзя продать. – Он положил ладонь мне на плечо и заговорил проникновенным голосом, но в глазах у него прыгали чертенята. – Не подпускай Оскара к себе. Этот идиот не заслуживает даже твоего приветствия.

– Ты его прямо не перевариваешь.

– Мы с детства не ладим.

– Почему?

– Как-нибудь в другой раз расскажу. – Люмьер выдохнул и поднялся. – В детстве я дал клятву отцу, что буду оберегать Киллиана Париса Бёрко. Это была не настоящая клятва, я просто учил её, чтобы в одиннадцать лет после церемонии огня не перепутать слова на посвя-

щении. Если наследник семьи Бёрко нуждается во мне, то я не смею ему отказать. – Он тепло улыбнулся. – Именно для этого меня и отправили в Пажеский корпус – учиться военному делу.

– Но ты перевёлся в Академию Святых и Великих...

– Не будем вдаваться в детали. – Люмьер подмигнул мне. – Фактически меня отстранили от учёбы.

– Почему?

– Было слишком много идиотов, поносивших императорскую семью. Они не хотели отстаивать свою позицию на дуэли.

Да, Люмьер Уолдин точно фанатик. Мои опасения оправдались. Не знаю, хорошо это или нет, но сейчас он был согласен стать моим наставником, а это единственное, что мне было нужно.

– Спасибо.

– Поблагодаришь после того, как об этом узнает Гедеон... – сказал Люмьер, а затем добавил: – Если мы останемся живы.

– Что он, по-твоему, может сделать?

– С его богатой фантазией? – присвистнул Уолдин. – Боюсь представить. Например, подставить, и мистеру Бруму придётся выгнать меня из Академии.

– Это как-то чересчур.

Мы медленно направились в сторону выхода из парка.

– Я рад, что ты ещё не сталкивался с этой его стороной. Когда Гедеон чего-то хочет, он этого добивается. А если не добивается, то не больно-то и хотел.

– У меня чувство, что мы с тобой о разных людях говорим.

– Но я, в отличие от тебя, с ним хотя бы говорю, – подколот Люмьер. – В детстве он был хитрецом. Подставлял меня ради веселья, а мой отец был строгим. Ремнём выбивал дурость, считая, что это я вечно устраиваю шалости. Ну, какие подозрения могут пасть на спокойного и вежливого Гедеона Хитклифа, который, даже когда сидит, спину держит ровно, ручки на коленках, и взгляд у него такой кристально чистый. У него всегда были выглаженные галстуки и начищенные туфли, а в руках книжки. Я долгое время считал, что он просто таскает их с собой для образа, пока не поймал его за чтением. Он ко всем обращался «мистер», «миссис» или «сэр». Устраивал мелкие взрывы, подрывал петарды, подставлял прислугу или преподавателей, но у него всегда было алиби. Кому доставалось? – Люмьер улыбнулся, словно эти воспоминания грели душу. – Конечно, мне. И руки у меня то запачканы в грязи из-за игр, то исписаны ручкой после выполнения домашнего задания. На голове бардак, на лице следы от джема, мятая рубашка и порванные шорты. Просто Том Соьер, не иначе. У Гедеона с детства ловко подвешен язык и чистоплотность в крови.

– А ещё взрывной характер и проблемы с гневом.

– Да, знаю об этом, – кивнул Люмьер. – Я думаю, вспышки гнева у него появились после переворота. Мы с ним стали свидетелями жестоких сцен. Легко спятить. Но не переживай, он работает над этим с психиатром.

– С кем? – Я остановился.

Люмьер замер в шаге от меня.

– Ты, по всей видимости, не знал? Неудивительно. Он, скорее всего, держит это в секрете.

– Отец тоже предложил мне посетить психиатра.

– У тебя тоже проблемы с гневом? – удивился Люмьер.

– У меня проблемы с тёмной материей.

Мы вновь двинулись дальше.

– Тебе нужно больше тренироваться.

– Знаю, – буркнул я, ускорив шаг.

– Дать уроки по тёмной материи?

- А ты можешь? Какие у тебя оценки по практике?
- Обижает. Я второй после Гедеона. И если между нами, то уж лучше быть вторым после Гедеона, чем стоять у него на пути.
- Ты прямо делаешь из него монстра, – с сомнением произнёс я.
- Разве? – Люмьер удивлённо посмотрел на меня. – Напротив, я тебя ввожу в курс дела. Что ты вообще о нём знаешь? Допустим, какой его любимый цвет?
- Э-э... чёрный?
- Синий. Что он любит из еды? – Люмьер с усмешкой наблюдал за мной.
- Без понятия. Яблочный пирог?
- Он не ест сладкое. Чем он интересуется? Что любит?
- Совет старейшин? – неуверенно произнёс я.
- Мимо. Он их на дух не переносит.
- Нет! Я точно уверен в том, что он хочет туда попасть. – Казалось, что Люмьер дурит меня.
- Попасть хочет, но он ненавидит их всех. И законы, которые они издают.
- Но мой отец состоит в Совете старейшин!
- Я мигом прикусил язык.
- Я бы сказал, что в семье не без уроды, но это прозвучит грубо, – стальным голосом выдал Люмьер. От его тяжёлого взгляда стало не по себе. Было в нём что-то от Гедеона. Возможно, поэтому они сошлись.
- Гедеон хочет попасть в Совет старейшин. Он часто это обсуждает с отцом за ужином.
- Как я уже тебе однажды говорил – перестраховка. Он знает, что в этой стране правят старейшины. А ещё Гедеон не хочет, чтобы правил ты.
- Не больно-то и хотелось, – скривился я.
- Ты должен править. – Люмьер вновь остановился. Я нехотя посмотрел на него, понимая, что ничего хорошего за этими словами не последует. – Во главе страны должен стоять наследник династии Бёрко. Я понимаю, что тебе не прививали уважение и гордость по отношению к империи, ты вырос при старейшинах, но это дело поправимое.
- Он широко раскинул руки.
- Всё вокруг принадлежит твоему роду, Готье. Эта земля – твоя по рождению. Твои предки основали здесь империю много столетий назад не для того, чтобы спустя время их несовершеннолетний потомок испугался своего призвания.
- Я не испугался.
- Пока я вижу только испуг, – снисходительно проговорил Люмьер. – Ты со спокойным сердцем отдашь чужим людям то, что принадлежало твоей семье? Совет старейшин не более чем вооружённая группа, устроившая революцию и захватившая власть. Я не хочу разбрасываться словами, но кто-то из нынешних старейшин точно причастен к смерти твоих родителей.
- Но Уильям Хитклиф взял меня в свою семью.
- У меня есть предположения на его счёт... Послушай, я не говорю, что именно он причастен и что он плохой человек, но будь я на твоём месте – подозревал бы каждого, кто шестнадцать лет назад был близок к императорской семье, а сейчас состоит в Совете. В списке семь чистокровных семей.
- Хитклиф, Вотермил, Кагер, Брум, Дон...
- Они самые. Я бы подозревал даже своего отца, Маркуса Уолдина, но он погиб, защищая империю.
- Ты был в тот день... там?
- Я играл с Гедеоном в саду, как вдруг мы услышали крики полукровок и низших. – Он оглянулся и нахмурил брови. – Сейчас не время. Достаточно тебе информации.
- Кто остальные две семьи?

– Я сказал, достаточно.

Он развернулся и направился в сторону. Мне ничего не оставалось, как рвануть за ним. В голове был такой сумбур, что я не сразу сообразил, когда Люмьер остановился у самых ворот парка.

– Мистер Хитклиф или Гедеон – никто не должен понять, что ты знаешь всю правду. Продолжай изображать «Готье» как ни в чём не бывало. И не ляпни ничего психиатру.

– Я не тупой, – огрызнулся я в ответ.

– Именно по этой причине я не начал тебя пилить ещё в первые дни, когда ты подслушивал под столом. Что ты вообще там забыл?

– Да так... – пожал я плечами. – Баловался. Постой, а если бы я не услышал ваш разговор, то так бы ничего и не знал. Когда ты собирался мне рассказать? Ты вообще планировал рассказывать мне?

– Не раньше второго курса Академии.

– Почему так поздно?

– Я не был уверен.

– В чём?

– В тебе. – Он смерил меня пристальным взглядом. – Ты тоже должен меня понять. На данный момент я единственный, кто хочет возвращения династии Бёрко. Я много наблюдал за тобой. Мне важно было знать, что тебе не промыли мозги старейшинами, чистокровной элитой, что Уильям Хитклиф или Гедеон не стали для тебя примером. Иначе ты бы даже слушать не стал и мигом сдал меня с потрохами. Я много раз говорил Гедеону о том, что ты скоро должен будешь узнать правду, но он против. Боюсь, если бы ты был с ним в крепких братских отношениях, то Гедеон мог бы надавить на тебя.

– Тогда тебе на руку, что мы не в лучших отношениях.

– И с мистером Хитклифом у тебя всё напряжённо, – как бы между прочим бросил Люмьер.

– Не думал, что в этом можно найти свои плюсы.

– Во всём можно найти плюсы. Нужно просто смотреть под правильным углом.

– Ты понял, что у меня не складываются отношения с отцом и братом, поэтому решил, что мне можно доверять?

– Не совсем. Скорее я убедился, что тебе можно раскрыть все карты, когда увидел твоего друга, Скэриэла.

– Я не понимаю. Как это связано?

– Династия Бёрко всегда хорошо относилась к полукровкам и низшим, – объяснил Люмьер. – Ты сын своего отца.

– Я слышал совсем другое. По этой причине случился переворот. Полукровки и низшие ненавидели императора.

Люмьер прикрыл глаза, устало выдохнул и вновь взглянул на меня.

– Тебе многое придётся узнать. И это не переписанная кровью история из твоих лицейских учебников.

Мы молча смотрели друг на друга. Его лицо пылало от негодования.

– Постой... – Я зацепился за знакомое имя. – Что ты знаешь о Скэриэле?

– Я думаю, насчёт него ты уж знаешь побольше моего.

– Я уже ни в чём не уверен. В первую нашу встречу ты сказал, что он владеет тёмной материей.

– Да. На очень приличном уровне. Ты тренируешься с ним?

– Это невозможно, – бросил я. – Он полукровка. Как он может владеть материей на приличном уровне?

– Что? – Люмьер непонимающе уставился на меня. – Я думал, ты его этому научил.

- Нет. Мы никогда не обсуждали тёмную материю.
Люмьер вздохнул.
- Тогда тебе самое время обсудить это с ним.

VIII

После разговора с Люмьером я отправился напрямик к дому Скэриэла. Уже подъезжая, я вдруг подумал, что, возможно, его нет на месте, а мы даже заранее не созвонились. Машины Эдварда у дома не оказалось, и я уж решил, что мои опасения подтвердились, но, несмотря на это, всё же позвонил в дверь, а когда на пороге возник недоумевающий Джером, с облегчением выдохнул. За его широкой спиной показалась тёплая чёрная куртка Скэриэла – значит, он дома. Не хотелось думать, что он отправился куда-то в пальто в такую холодрыгу.

– Привет, – произнёс я. – Мне нужно... – но Джером, не выслушав, просто развернулся, оставив меня в дверях, – поговорить со Скэром.

Очередной гостеприимный жест со стороны Джерома. Я вошёл, на ходу стягивая шарф. Джером быстро поднялся по лестнице, видимо, чтобы сообщить о моём приходе. Или стремясь убраться с глаз долой, не желая перекинуться даже парой слов. Этот парень просто не перебарывал меня и совсем этого не скрывал. Наверное, так и поступают низшие. Они не лгут, не лицемерят, а сразу показывают своё истинное отношение. В этом были и плюсы.

Пока я по-хозяйски наливал себе стакан воды на кухне, ко мне спустился удивлённый Скэриэл. Он был в растянутом чёрном свитере, словно с чужого плеча, клетчатых домашних штанах, и впервые в этом доме я видел его в носках.

– Привет! – На его лице появилась радостная улыбка. – Что-то случилось? Ты мне звонил? – Он вытянул телефон из кармана и бросил короткий взгляд на экран.

– Не звонил. Надо поговорить. – Я сделал ещё один глоток воды. Скэр беззаботно подошёл ближе. Нахмурившись, я вытер губы тыльной стороной руки.

– О чём? – Он не спускал с меня глаз.

Я вылил недопитую воду в раковину и сполоснул стакан. Скэриэл словно чувствовал, что разговор выйдет непростым, и выглядел слегка нервным. Не будь я с ним так долго знаком, может, и не заметил бы этого.

– Мы можем остаться наедине?

– Конечно, – кивнул Скэриэл.

Джером в это время не спеша спускался по лестнице, но, услышав мою просьбу, замер. Раздражение так и читалось на его лице. Я бы не удивился, пошли он меня куда подальше.

– Оставь нас, – обратился к нему Скэриэл.

На долю секунды я расслышал в его голосе металлические нотки.

Джером развернулся и тяжело поднялся по лестнице. Я дождался громкого хлопка двери, донёсшегося со второго этажа, прежде чем заговорить. Джером явно давал понять, что он очень зол. Интересно, у него вообще бывает хорошее настроение? Каждый раз, когда я его видел, он был мрачнее тучи.

Скэриэл улыбнулся мне, но я не смог ответить ему тем же.

– Я всё знаю, – проговорил я тихим голосом.

– О чём?

– Почему ты врал мне? – Мысленно я дал себе подзатыльник. Вопрос звучал как в третьесортной драме. – Я хотел сказать, что...

– Слушай, Готи, я не совсем тебя понимаю. – Скэр нервно хихикнул. – Это пранк или что? – Он вальяжно уселся на стул. – Репетируешь роль для очередного проекта? Ставите «Отелло» Шекспира в лицее?

Внезапно он поднялся, вскинул руку и угрожающе продекламировал, обращаясь к холодильнику, сверкая при этом напускным гневом:

Сейчас! Итак, покайся добровольно В своих грехах, затем что даже клятвой, От каждого отрёкшись обвиненья, Ты ни сломить, ни изменить не в силах Суровое решение моё³.

Я хотел выглядеть как можно более суровым, но не удержался и прыснул от смеха. Скэриэл расслабился, увидев мою реакцию, и вновь улыбнулся.

– Ладно. – Я сел и постарался взять себя в руки. – Я хотел сказать тебе, что знаю твой секрет. И мне обидно, что я узнаю его от другого человека.

– Секрет? – переспросил он, затем ахнул, прикрыв рот рукой, и затих.

– Да, – кивнул я.

Скэриэл выглядел испуганно. Меня не покидало ощущение, что он опять собрался шутить.

– Я должен был признаться раньше, но да, ты должен знать мой секрет.

Это точно не то, о чём я собирался с ним говорить. Глядя на Скэра, нетрудно было догадаться, что он снова решил разыграть меня.

– Я ни черта не понимаю в сортировке мусора и иногда пихаю пластик не в тот пакет. Тебе Микки рассказал?

– Что? Какой Микки? – раздражённо бросил я.

– Он забирает наш мусор по утрам, – как ни в чём не бывало продолжил Скэриэл, так ещё и махнул рукой в сторону окон. – Вечно мной недоволен, говорит, что я ленюсь, и за это мне приходится платить штраф. – Он прищурился, подвинулся ближе и шёпотом переспросил: – Так это Микки меня сдал?

– Блин, Скэр, я серьёзно! – повысил я голос.

– Тогда ближе к делу, – вдруг без тени насмешки выдал он, хотя секундой ранее откровенно потешался надо мной; голос стал ниже, взгляд – надменным. – Если есть что предъявить, то не ходи вокруг да около. – Скэриэл откинулся на спинку стула, расправил плечи и словно стал выше, глядя на меня сверху вниз. – У чистокровных много свободного времени, вы любите тратить его почём зря.

– Да пошёл ты, – бросил я.

Меня внезапно разозлило то, что Скэр часто проводил негласную черту между нами. Смена поведения и интонации выбила из колеи. Словно я разговаривал с незнакомым человеком.

Не знаю, чего я ожидал, когда поднялся и направился к холлу.

– Стой, подожди, – произнёс он за моей спиной.

Я повернулся и увидел, что Скэриэл уже успел подняться следом.

– Прости, у меня плохое настроение с утра. Проблемы в школе.

– На дистанционке?

– Да, – чуть помедлив, ответил он. – Ничего сложного, просто много задают и не всегда успеваю высыпаться. Вот и ругаюсь со всеми. С Джеромом и Эдвардом тоже успел с утра поцапаться.

Только сейчас я заметил, что выглядел Скэриэл уставшим, измученным. Мешки под глазами, бледная, почти серая кожа, он даже немного схуднул – и как я раньше этого не заметил?

– Слушай, – я подошёл ближе, – ты владеешь тёмной материей?

– Ну да, – кивнул он. – Все полукровки владеют. Ты не знал?

– Ты понял, о чём я.

Скэриэл смотрел на меня долгим нечитаемым взглядом. Я не мог понять, о чём он думает, хотя раньше казалось, что все его эмоции так ясно написаны на лице.

– Ты это узнал от другого человека? – уточнил он.

– Да.

---

³ Перевод Петра Вейнберга. (Прим. ред.)

– От кого?

– Это важно?

Впервые я видел Скэриэла таким разъярённым.

– Если кто-то сбивает тебя с толку, обсуждает меня за спиной, то да, это важно, и я бы хотел об этом знать.

Повисло напряжённое молчание. Не знаю, как долго бы это продолжалось, если бы у Скэриэла не зазвонил телефон. Он недовольно глянул на экран и сбросил звонок.

– Мог и ответить, – проговорил я.

– Не хочу. – Скэриэл отложил телефон на кухонный стол и взглянул на меня, сложив руки на груди. – Ну так что? Это Джером?

– Нет, – растерянно буркнул я. – Мы с ним вообще не общаемся.

– Тогда? – Скэриэл требовательно приподнял правую бровь.

– Люмьер Уолдин, друг Гедеона, – со вздохом произнёс я.

– Мы с ним не знакомы.

– Зато он, кажется, всех знает. – Я пожал плечами. – Следил за нами.

– Зачем?

Я зевнул, прикрывая рот рукой. На меня вдруг навалилась усталость. Я плохо спал ночью, встал рано, и этот тяжёлый разговор со Скэриэлом окончательно измотал.

– Я присяду? – Указав на диван, я, не дождавшись ответа, сел.

– Ты заболел или что? – спросил он, садясь рядом. Его пристальный взгляд никуда не делся, а я уже хотел побыстрее закончить с разговором.

– Нет, просто тоже не выспался. Не знаю, зачем Люмьер этим занимается, но он военный, а у них всегда проблемы с головой.

Скэриэл усмехнулся.

– Он сказал, что я владею тёмной материей?

– Да, причём на очень хорошем уровне. Люмьер решил, что я в курсе, и, типа, ну, похвалил тебя. Он подумал, что мы вместе тренируемся. А теперь представь мой шок, когда я это услышал.

– И что ты подумал по этому поводу?

– Что он бредит. Или спутал тебя с кем-то. Я пришёл сюда, чтобы выслушать тебя, но, кажется, ты не хочешь признаваться.

Скэриэл нахмурил брови и уставился куда-то в сторону.

– Не хочешь говорить...

– Я боюсь, – тихо произнёс он.

– Чего? Или кого? – Я сел как Скэриэл, отзеркалив его позу.

Он действительно выглядел слегка испуганным: кусал губу, мял пальцами диванную подушку, беспокойно дёргал ногой.

– Что кто-то узнает о моих способностях и может что-то сделать. Это ведь ненормально.

– Что сделать?

– Не знаю. Я много чего боюсь, – поёжился Скэриэл. – Например, в Запретных землях есть подпольные бои без правил. Такой, как я, там сразу станет сенсацией, все захотят посмотреть, как с помощью тёмной материи я смогу защититься.

– Зачем?

– Ради денег. Бойни с чистокровными почти не бывает. У вас есть дуэли, но на них не добивают, нет зрелищности, жестокости. Полукровкам и низшим нужны кровь, кишки, месиво, убийства. Вы не используете тёмную материю, чтобы кого-нибудь убить ради выживания. Вы ею кичитесь, как родословной или богатством. Если пропадёт чистокровный, начнётся расследование. Если пропадёт полукровка, всем будет плевать.

Я не знал, что ответить. С одной стороны, это не укладывалось в голове. Кто организует бои без правил в наши дни? С другой стороны, Запретные земли – это не то место, о котором я знал достаточно. Скорее, мои познания близки к минимальным. Я был там только один раз, да и то закончилось всё большим скандалом с Гедеоном.

– На каком ты уровне тёмной материи?

Скэриэл был в смятении. Я уже решил, что он не ответит, но вместо этого Лоу медленно вытянул руку. На его ладони показалось тёмное пламя, совсем маленькое, как от спички. Этим владеют все полукровки, я видел такое у Кевина и у Сильвии.

Наблюдая за Скэриэлом, я заметил, как он напрягся, и пламя начало расти и приобретать очертания непонятной фигуры. Вскоре на его ладони скакал тёмный конь. Он бил копытом, шагал, а затем ринулся галопом, продолжая оставаться на месте.

– Вау... – изумлённо выдохнул я. – Как у тебя это получается?

– Ты этого не умеешь? – удивился Скэр, опустив руку. Я расстроено проследил за тем, как конь испарился.

– Шутишь? Я еле оформляю материю в стрелу. Мистер Аврель, наверное, считает меня полным неудачником. Из-за проблем с тёмной материей отец хочет отправить меня к психиатру.

– Всё так плохо?

– Да. Тебе бы к нам в лицей...

– Я не чистокровный, – усмехнулся Скэриэл.

– Да, но... – Я запнулся. – Но ты владеешь тёмной материей лучше меня. Мистер Аврель обалдел бы от твоих способностей. Да все бы обалдели.

– Не знаю, Готи. – Скэриэл тряхнул головой; прядь тёмных волос упала ему на глаза, и он небрежно убрал её за ухо. – Боюсь, что узнают другие чистокровные или, что хуже, узнают в Запретных землях.

– Ты всегда держал это в тайне? Никто не знал? Твои родители, ну, я имею в виду, до того, как их не стало... Эдвард? Джером?

– Никто не знает. Я понял, что владею силой, уже после смерти родителей.

– Но ты подозревал, что Джером тебя выдал. Я думал, может, он в курсе.

– Я ему ничего не рассказывал, но мы живём в одном доме, он мог увидеть и сдать меня.

– Люмьер тебя увидел и сдал.

– Ему можно доверять? Я не хочу, чтобы он растрезвонил об этом. – На лице Скэриэла возникла гримаса боли: он прикрыл глаза, плотно сжал губы и шумно выдохнул через нос.

– Наверное, можно... – неуверенно произнёс я. – Ты в порядке?

Он выжал из себя мучительную улыбку и кивнул.

– Голова разболелась.

– Я поговорю с ним. Скажу, что это секрет. Может, таблетку?

– Ага, – кивнул он. – Приму потом и лягу вздремнуть.

– Когда ты узнал, что владеешь на таком уровне? Это же уму непостижимо... Полукровка с силой чистокровного.

– Я... – начал было он. – Послушай, Готи, я не уверен, что знаю, когда это началось. Просто мне было интересно, что ещё можно получить помимо этого. – Он перевернул руку ладонью вверх, и вновь возникло маленькое пламя. – Этим владеют все полукровки. На пересечении границы мы обязаны предъявлять материю, чтобы нас не спутали с низшими. Когда я был маленьким, это пламя не давало мне покоя. – Скэриэл как заворожённый смотрел на собственный огонёк. Я тут же вспомнил, с каким лихорадочным взглядом он рассказывал про Александра Македонского или Артюра Рембо – сейчас он так же увлечённо говорил о тёмной материи. – Если представить тёмную материю как навык, способность, разве нельзя её развить? – эмоционально продолжил он. – Это как с рисованием. Низшие будто рождённые без

рук, они заведомо не могут взять в руку кисточку и что-то нарисовать, и этим им забивают голову с пелёнок. «У тебя нет тёмной материи, не пытайся, ты создан беспомощным». Но что, если... – Он сосредоточенно посмотрел на меня. – Что, если отбросить эти рамки? Ты знаешь, были художники без рук. Всему можно научиться. Та же история и с полукровками. Нас учили, что наш максимум – создать пламя. И единственное практическое применение этого тёмного пламени – проверка статуса на границе. А что, если не слушать никого и улучшать то, что дала тебе природа?

– Ты думаешь, что каждый низший или полукровка может добиться уровня чистокровного? – ошарашенно спросил я.

– Я не могу отвечать за каждого. Но теоретически это возможно.

– Это может перевернуть весь наш мир...

– Поэтому я не говорю об этом на каждом шагу. Не уверен, что могу взять ответственность за чужие жизни, если все узнают о том, что полукровка по силе не уступает чистокровному.

– Создавать фигуры из тёмной материи – талант...

– Я бы не назвал эту силу талантом, – резко произнёс Скэриэл. – В моём случае это была упорная работа сутки напролёт.

– Со скольких лет?

– Сейчас уже и не вспомню. – Скэриэл зачесал пятернёй волосы. – Но с детства.

– Ты боялся мне рассказать?

– Мы с тобой почти не обсуждали тёмную материю. Я помню, как в прошлом году перед летними экзаменами ты был зол и говорил, что ненавидишь эту силу. Я решил, что лучше не поднимать эту тему.

– Ну отлично, теперь, оказывается, из-за моих никчёмных способностей ты всё это время молчал, – раздражённо бросил я и затих.

Прошлый год был действительно тяжёлым. Я постоянно возвращался к мыслям о маме и в скором времени потерял интерес к учёбе. Мои оценки скатились на самое дно, но я не проявлял должного усердия, чтобы их как-то исправить, как бывало раньше. Неожиданно я вспомнил, что отец в то время меня почти не трогал, если не считать того, что внезапно на пороге дома то и дело появлялись репетиторы.

Мой характер в тот год оставлял желать лучшего. Я срывался на всех, истерил, обвинял отца за спиной, перестал разговаривать с Габриэлкой и хамил прислуге. Тогда много доставалось и Скэриэлу.

– Я молчал с детства, ты тут ни при чём.

– Что ты планируешь делать дальше? Так и оставишь всё в секрете? С твоими способностями тебе нужно было учиться в лицее. Или сразу поступать в Академию Святых и Великих.

– Не знаю. Пока оставлю всё как есть.

– Не хочешь... – Я неуверенно продолжил: – Потренироваться вместе?

– С тёмной материей?

– Да... У меня скоро зимние экзамены. Можешь помочь? Люмьер предложил помощь, но мне с ним неловко.

– Конечно, – Скэриэл широко улыбнулся. – В любое время.

Увидев из окна, как Хитклиф вышел из дома, я спустился вниз. Скэриэл стоял у дивана, скорчившись.

– Проверь, что входная дверь заперта.

Я подошёл к двери, подёргал ручку и на всякий случай закрыл на ещё один оборот. Повернувшись, я столкнулся взглядом с рассерженным Скэриэлом.

– Он знает, что я владею тёмной материей. Пришлось наврать с три короба про подпольные бои в Запретных землях. Люмьер Уолдин следит за мной.

Последнюю фразу Скэриэл произнёс из последних сил, прежде чем схватился за бок. Я подошёл к нему и осторожно приподнял свитер. Левый бок был забинтован, но кровавые разводы уже появились на бинтах. Ему нельзя было двигаться, но он всё равно спустился к чистокровному.

– Помоги снять, – прохрипел Скэриэл.

Я аккуратно взялся за низ свитера и медленно, дюйм за дюймом поднимал ткань, стараясь не задеть рану. До прихода Хитклифа Скэриэл принял обезболивающее и забинтованный лежал в своей комнате. Я бы ни за что не впустил чистокровного, но Скэриэл был другого мнения. Как только я сообщил ему, что тот пришёл, Лоу потребовал мой самый большой свитер и намеревался во что бы то ни стало спуститься.

– Дальше я сам, – прохрипел Скэриэл, оставшись по грудь обнажённым. – Рана быстро заживёт. Через пару дней буду как новенький.

– Тебе нужен покой, нельзя было вставать.

– Я знаю, Джером, – грозно бросил он, подходя к лестнице. – Этот сукин сын, Адам, ещё поплатится за это.

– За что Адам порезал тебя? – тихо спросил я, следуя за Скэриэлом. – Не думал, что он решится напасть.

Скэриэл недовольно выдал:

– Разве таким, как Адам Шерр, нужна причина?

Я ничего не ответил, и Скэриэл медленно поплёлся по ступенькам. От моей помощи он всячески отказывался, поэтому мне только и оставалось, что подниматься за ним, беспомощно сжимая свитер в руках.

IX

– Я вам серьёзно говорю, – не унимался Оливер, понизив голос. – Он внезапно появился и так посмотрел на Бернарда, что тот даже пикнуть не успел.

Сегодня вечером мне предстоял первый сеанс с психологом. Из-за того что я продолжал думать об этом, мне никак не удавалось сосредоточиться на словах Оливера. Он с утра был возбуждённый, не мог усидеть на месте, то и дело поглядывал на меня во время занятий и, что ещё более странно, подмигивал, будто мы с ним затеяли что-то на редкость интригующее, о чём я успел забыть.

Прошла неделя с того разговора о тёмной материи со Скэриэлом, мы всё никак не могли найти время, чтобы потренироваться. То он был занят своими уроками, то я тонул в домашних заданиях, из-за чего вся неделя слилась для меня в один нескончаемый поток переписанных страниц конспектов, перепечатанных докладов; помимо этого по вечерам я заучивал параграфы по истории и поэмы по литературе.

Учитывая, что каша в голове лишала должной концентрации, мои попытки зубрить или осмысленно заучивать с треском проваливались. В то время как я должен был учить очередной параграф, вместо расплывчатых строк из учебника я представлял себе настоящих родителей, которые погибли во время переворота, думал о своём пугающем будущем и не менее пугающем прошлом, а когда возвращался в реальность, понимал, что потерял ещё час впустую. Как читать анализ политики Лукиана Бёрко, если он был моим отцом, ума не приложу. Вместо того чтобы отрешиться и трезво оценить учебник, я всё чаще вспоминал слова Люмьера о том, что это не более чем переписанная кровью история. Во мне то и дело просыпалось негодование, и я понимал, что усмирить его не в силах.

Приближалась пора зимних зачётов, и преподаватели соревновались, кто больше задаст на дом и сильнее угробит наши выходные. Я боялся только предстоящего экзамена по тёмной материи. Мистер Аврель больше не мог закрывать глаза на мои неудачи. Что, если я не смогу поступить в Академию Святых и Великих? Понизило бы это как-то мою и без того нестабильную самооценку? Академия нужна была в первую очередь отцу, я же никогда не гнался за титулами, статусами и не стремился пустить окружающим пыль в глаза. Впрочем, я никогда не стремился к тому, чтобы владеть тёмной материей на высоком уровне. Даже в этом мы различаемся со Скэриэлом. Он-то с детства увлечён этой способностью. А я принимаю тёмную материю как должное и злюсь, когда мне навязывают её значимость.

– Мы это поняли, – устало произнесла Оливия, внимательно просматривая страницы учебника. – Пришёл герой и спас тебя. Надеюсь, ты высказал Бернарду всё, что о нём думаешь?

Я вынырнул из мыслей и взглянул на Оливера. Встреча с Бернардом, судя по всему, успела пройти мимо меня. Я был так погружён в свои проблемы, что умудрился прошляпить разборки Оливера с шантажистом. Брум с утра горел желанием в красках рассказать об этом, и свободная минутка выдалась только в библиотеке после занятий.

– В том-то и дело! – рявкнул он на сестру.

Работница библиотеки смерила нас недовольным взглядом. Оливер уткнулся в раскрытую книгу и прошипел:

– Я хотел ему высказать, но Скэриэл, представляете, сказал ему, что если он ещё хоть раз взглянет на меня, то Скэриэл сольёт все его фотографии из клуба вместе с грязными подробностями в «Дэйли Ньюс Ромус»...

– Ты был со Скэриэлом? – удивлённо спросил я.

– ...и журналисты разнесут его семью в пух и прах, – закончил он и затем произнёс с лёгким негодованием: – Готье, ты вообще меня слушал? Я же рассказывал сейчас. – Оливер торопливо продолжил: – Я встретился вчера с Бернардом. Скэриэл предложил пойти со мной.

Он сказал, что будет стоять неподалёку и страховать меня. И вот я увидел Бернарда и, ну... немного растерялся.

– Начал мямлить? – нахмурилась Оливия, подняв на брата нечитаемый взгляд. Так вот какая она, когда чем-то недовольна. Было интересно наблюдать за ней под новым углом.

– Ну, не то чтобы мямлить... Просто... – Брум весь ошетинился и уже гневно добавил: – Ты всё равно не поймёшь. Я просто растерялся. Но Скэриэл влез и поставил Бернарда на место. Угрожал фотографиями, сказал, что у него полно компромата.

– Я думал, у вас только одна фотография с Бернардом, – между делом встрял я, стараясь не отвлекаться на разговоры. Нам задали написать эссе на восемь листов по истории тёмных сил на тему «Быть чистокровным – значит быть...».

...Значит быть слепым, высокомерным ослом, не признающим ничего, что может столкнуть его с пьедестала своего завышенного чувства собственной важности.

– Так и есть, – кивнул Брум. – Скэриэл просто угрожал ему, припугнул, но тот реально поверил.

– Что за грязные подробности? – не глядя на брата, спросила Оливия.

– Как я понял, никаких грязных подробностей нет, хотя... Скэр сказал, что журналисты охотно раздуют из этого сенсацию и никому не будет дела до правды.

– Я думал, что ты пойдёшь с Оливией.

– Ещё чего, – буркнул он мне. – Ты её вообще слышал? – Брум указал простым карандашом на Оливию. – Она готова была вызвать полицию, национальную гвардию и своего личного адвоката, лишь бы засадить Бернарда в тюрьму. – Оливер обвёл руками просторный зал библиотеки. – Просто растрезвонить на всю округу о том, что Бернард Дон меня шантажировал.

– У тебя есть личный адвокат? – спросил я, переводя взгляд на неё.

– Оливер преувеличивает. – Оливия улыбнулась одним уголком губ, будто ещё не привыкла общаться со мной без своего дружелюбного образа. – Адвокат есть у нашей семьи. Но я бы всё равно не пошла на встречу с ним.

– Так что с Бернардом? – обратился я к Оливеру. – Он больше не объявится?

– Уверен, что нет, – с довольным видом проговорил Брум. – Будет молчать в тряпочку, если ему жизнь дорога. Скэриэл ясно дал понять, что у Бернарда будут большие проблемы, если он всё-таки продолжит меня шантажировать.

– А Бернард просто проглотил это от полукровки? – спросила Оливия. – Полукровка угрожает чистокровному. – Её фальшиво удивлённый тон начинал смущать даже меня. – Неслыханное дело.

Видимо, за годы у Оливера выработался иммунитет к её иронии и сарказму.

– Жаль, вас там не было. Бернард весь позеленел от злости, а когда Скэриэл достал фотографию из клуба, то завис, как будто призрак увидел. Но не это было самым потрясным.

– Ох, не томи, – без энтузиазма проговорила Оливия, не отвлекаясь от учебника.

Оливер закусил губу и замолчал, затем взглянул на меня. Как раз в это время я – как чувствовал – тоже отвлёкся от эссе и, встретившись с ним взглядом, изобразил интерес. Он, обрадованный, что нашёл внимательного слушателя, продолжил:

– Скэриэл назвал чьи-то имена и добавил, что они передают Бернарду привет с Запретных земель. И ещё сказал – нет, серьёзно, в духе криминальных драм, – что этим людям не хотелось бы, чтобы их имена светились на страницах газет вместе с фамилией Бернарда. И это был БАМ. – Для большего эффекта он изобразил звук взрыва.

Работница библиотеки не заставила себя долго ждать. Она молниеносно оказалась у нашего стола и отчитала Оливера, пригрозив, что впишет его в чёрный список библиотеки и вход в священную обитель ему будет навсегда заказан.

Оливия изобразила такое ангельское смирение, что мне даже стало неловко. «Нам очень жаль, мой брат виноват, и мы приносим свои глубочайшие извинения, миссис Симмонс», –

произнесла она тихим, виноватым голосом. Так вот как эту женщину зовут. Самое время узнать об этом в выпускном классе. Оливер сердито отвернулся и принялся с раздражением стучать пальцами по столу. Миссис Симмонс поджала губы, вздохнула и попросила нас быть тише.

– Молодец, – шёпотом произнесла Оливия, когда работница отошла.

– В общем, проблема с Бернардом решена, – закончил Брум, игнорируя сестру.

– Ну и славно, – бросила Оливия. – Давно нужно было с этим кончать. Я пойду попрошу отксерить эти страницы. Вам что-то нужно?

– Нет, нет, – торопливо проговорил я.

– А тебе?

– Мне, пожалуйста, двойной бургер и колу, – лучезарно улыбнулся Оливер.

Оливия тяжело выдохнула и направилась к миссис Симмонс. Оливер задумчиво оперся на руку и посмотрел сестре вслед.

– Ты вообще планируешь что-то предпринимать на её счёт? – нервозно спросил он. – Или уже передумал?

– О чём ты?

– Ну, ты и Оливия. Она к тебе хорошо относится. Будешь что-то делать?

– Как-то даже времени не было подумать об этом.

– Скоро рождественская вечеринка; как обычно, наши семьи соберутся, будет романтично ей признаться.

– Не знаю даже, – нерешительно сказал я. – Уроков полно, уже неделю не продохнуть. Ещё экзамен по тёмной материи меня пугает. А ты как сам? Не против, что... – и тут я кашлянул в кулак, чтобы потянуть с ответом, – ну, признаюсь ей?

– Да нет, не против, – чуть погодя проговорил Оливер. – Но не думаю, что из этого что-то выйдет.

– Спасибо, это очень воодушевляет, – пошутил я, хотя, признаюсь честно, его слова меня задели.

– Да я, нет, правда не против. Просто не знаю, каким должен быть парень, чтобы вытерпеть её.

– Думаю, что ты преувеличиваешь.

Оливер посмотрел на меня как на глупца.

– Где вообще Леон? – спросил я, желая сменить тему.

– Он мне не докладывает, но, наверное, опять на репетиции «Щелкунчика». Заметил, как часто он прогуливает уроки и ему никто и слова не говорит? Надо было тоже заниматься балетом.

Я прыснул от смеха и мигом закрыл рот рукой. Оливер усмехнулся.

– Поэтому именно ты получил роль Дантона, а не Леон. Хотя актёр из Леона получше будет.

– О, польщён, – сыронизировал я в ответ. – Ты боялся, что в день выступления по Французской революции он не придёт из-за репетиций?

– Конечно, – кивнул Оливер. – Я всё предвидел заранее. – Он постучал пальцами по виску. – Думаю наперёд. Да я просто чёртов гений.

– А я было решил, что ты углядел во мне нераскрытый актёрский талант.

– Само собой, мой друг. – Он вновь постучал себя по виску. – Гений.

Я поднялся и сложил книги в стопку. Слишком мало информации, нужно поискать больше материала для эссе.

– Не в курсе, где здесь полки со Средневековьем?

– Что? – Брум оторвался от своих записей. – Честно говоря, не помню. Где-то там, в дальнем углу.

Я направился в сторону указанных стеллажей. Людей в этот час было не так много. Пятница, вторая половина дня, и многие предпочитали поскорее покинуть лицей и насладиться выходными. Не везло только выпускным классам.

Бездумно блуждая взглядом по старым книжным корешкам, я то и дело мысленно возвращался к рассказу Оливера. Скэриэл отправился с ним на встречу с Бернардом. Удивительно, как Скэр проникся проблемами Брума. Они знакомы не так давно, а Лоу уже помогает ему в таких ситуациях. Возможно, попади я в подобное положение, тоже бы не отказался от помощи. Как выяснилось, мы, чистокровные, даже решая свои проблемы, не можем обойтись без полукровок.

– Можно тебя на пару слов? – раздался тихий нежный голос.

Я поспешно развернулся, мигом заливаясь румянцем. Оливия стояла непростительно близко. Сделай я шаг, и смог бы прижаться губами к её лбу. Она смотрела на меня открытым проникновенным взглядом. Её белоснежная блузка со множеством многослойных рюшей визуально увеличивала маленькую грудь. Она стояла так близко, что я слышал, как она делает вдох, видел, как грудь слегка вздымается – всё это завораживало какой-то священной красотой, что веками любили обожествлять художники, скульпторы и поэты.

Оливия обладала потрясающе тонкой лебединой шеей, миниатюрными плечами – казалось, я мог сжать их, не применяя силы. У неё были изящные длинные пальцы, нежная кожа – хоть я никогда не брал её за руку, но был уверен, что она мягкая, как шёлк, – а какой от неё исходил приятный аромат – цветочный, сладкий, еле уловимый!..

– Я переживаю за него, – произнесла Оливия.

Она обошла меня и прислонилась к стеллажам рядом. Я посмотрел в том направлении, куда она указала. Напротив нас, в центре зала, сидел Оливер и усердно что-то переписывал из учебника в тетрадь. Повернись он, всё равно бы нас не увидел. Мы были спрятаны за книжными полками.

– Когда он привязывается к людям, у него напрочь отключается критическое мышление. Так было и с отцом, и с Бернардом.

Я ничего не отвечал, просто стоял рядом, наблюдая за Оливером. Мне казалось, что наши мысли сейчас заняты разными вещами. Я как замороженный не мог перестать думать о близости с ней, в то время как её мысли блуждали вокруг брата.

– Я доверяю тебе и Леону. Вы не причините ему боли.

– Э... спасибо. – Я лихорадочно пытался придумать более подходящий ответ, но ничего не вышло. – Я никогда не обижу Оливера, не волнуйся.

Оливия улыбнулась.

– Знаю. – Она повернулась ко мне и придвинулась ближе.

И тут я запаниковал. Вся её поза говорила о том, что она сейчас, прямо в библиотеке, прильнёт ко мне. Как вести себя? Обнять её? Взять за руку? Поцеловать?

– Я доверяю тебе, Готье. Но я не доверяю Скэриэлу.

– Что, прости? – Я будто бы вынырнул из плотного кокона. Разговор явно пошёл не в то русло, о котором я грезил.

– Я буду предельно честна с тобой. Ты заслуживаешь этого, – понизила голос Оливия. – Скэриэл либо очень хороший друг, либо корыстный лицемер. Признаюсь, я пока не могу определиться.

– Почему ты так думаешь?

– Может, я сужу по своему окружению, – задумалась она. – Может, я привыкла думать о людях плохо.

– Скэриэл много раз меня выручал.

– Приятно слышать. Я хочу ошибаться на его счёт. Но меня пугает другое. – Она придвинулась ещё ближе. – Оливер быстро сближается с ним. Он слетает с катушек, если человек ему очень нравится.

– Я понял, но, уверяю, Скэриэл классный... Он не замышляет ничего плохого. Он бы так не поступил.

– Ты не знаешь наперёд всего, что может с нами произойти. Не будь так уверен. Чужая душа – потёмки.

– Послушай, Оливия...

– Нет, это ты, пожалуйста, сейчас послушай меня. Я не буду больше скрывать свой характер и скажу сразу.

Она резким движением ткнула меня чем-то острым в районе бедра. Было не больно, скорее неприятно, но я сдержал внезапный порыв её оттолкнуть.

– Это заточенный простой карандаш упирается в твоё бедро, – тихо произнесла Оливия. – Передай Скэриэлу, что если он попытается причинить боль моему брату, то в следующий раз я воспользуюсь ножом для вскрытия писем. Ему это точно не понравится.

– Ты переходишь границы, – твёрдо проговорил я, стараясь удержать на лице непроницаемое выражение.

– Пусть и так. – Она отошла, держа карандаш, как холодное оружие. – Пусть сейчас я перейду границу, но, если Скэриэл только пальцем тронет Оливера, я добьюсь его изгнания в Запретные земли. Ты его друг. Передай ему мои слова.

Я хмуро глядел на неё. Не могу отрицать, что Оливия была прекрасна даже в этом боевом настрое, но с каждой нашей встречей с ней как будто слой за слоем слетала шелуха придуманного мной образа, ореола неприкосновенной, кроткой красоты.

– Что вы тут оба забыли? – Внезапно рядом возник Оливер, оглядел нас и изобразил такое хитрое лицо, словно поймал за чем-то постыдным. – Я вас везде ищу.

У меня не было даже сил что-то вымученно доказывать. Если он воспринял наше уединение как порывы влюблённой парочки, то был абсолютно не прав. Сейчас между мной и Оливией летали молнии и искры, но точно не от жгучей страсти.

– Из вас бы вышла милая парочка, – хмыкнул Оливер.

– О, – внезапно произнесла Оливия. – Вспомнила, что не скопировала ещё кое-какие страницы.

Она торопливым шагом направилась в сторону нашего стола.

– Говорил же, ты ей точно нравишься. Помнишь «Г. Х.»? «Готье Хитклиф» – это сто процентов.

– Ага, помню.

Габриэлла Хитклиф, Гедеон Хитклиф, Генри Хорш, Глория Хиггинс, Гретта Хейл. Мать его, да кто угодно.

Оливер показал мне большой палец и подмигнул. Глупее ситуации и придумать нельзя.

– Знаешь, не думаю, что я ей нравлюсь.

– Да хорош, – протянул он. – Она точно к тебе равнодушна.

О да, угрожать объекту своей симпатии – это прямо новый уровень проявления чувств.

Вернувшись за стол, я пришёл к выводу, что ничего из того, что сказала Оливия, не передам Скэриэлу. Она могла как угодно к нему относиться, но я не подписывался на то, чтобы быть её персональным посыльным.

Х

Скэриэл прохаживался по ателье, заинтересованно изучая всё вокруг. Он щупал материал, проверял швы, словно разбирался в этом, рассматривал костюмы на манекенах, примерял галстуки, стоя перед зеркалом.

Я без энтузиазма листал мужской журнал, в котором рекламы было больше, чем статей. Временами бросал беглый взгляд на Лоу. Обычно Скэриэл справлялся здесь без моей помощи, но сегодня он внезапно предложил съездить вместе. Наверное, если бы Эдвард был дома, он бы позвал и его.

– Вывеска у вас незаметная, – как бы между делом отметил Скэриэл.

Не упрёк, не замечание, не осуждение. Он просто констатировал факт. Вывеска и правда была бестолковая. С первого раза не разберёшь, что тут: секонд-хенд или всё-таки ателье.

От ножевого ранения Адама не осталось и следа, но всего три дня назад Скэриэл выполнил очередное заражение по приказу мистера Эна и сутки провёл под капельницей. Он то просыпался, то впадал в горячку, и Эдвард под конец выдал взволнованным голосом: «Ему нужно завязывать с этим. Он долго не протянет».

И вот, поглядите. Резвый, весёлый, словно не он совсем недавно был на грани жизни и смерти. Быть может, только такие и выживают? Они всегда ходят по лезвию ножа. Всё или ничего. Скэриэл не боялся смерти и потому всегда оставался хозяином положения.

– Вывеска? – оживился Томас и нервно посмотрел на Кевина. – А что с ней не так?

– Не привлекает внимания. Нужно сменить, – объяснил Скэриэл, рассматривая бабочки.

Он взял бордовую, поднёс к шее и спросил у меня:

– Ну как тебе?

Скэриэл прекрасно знал, что я не разбираюсь в этом, но, возможно, так он пытался привлечь меня. Было приятно, когда он интересовался моим мнением, вот только я не мог высказать то, что было на уме. Головой-то я понимал, что хочу сказать, но не хватало слов, чтобы оформить их в связную речь, которая бы точно пришлась ему по душе. В такие моменты разница между мной и Хитклифом была почти осязаемой. Уверен, тот просто говорил как есть и не беспокоился насчёт сказанного.

– Симпатичная? – неуверенно предположил я. – Не знаю...

Бордовый цвет на нём хорошо смотрелся. Да, в принципе, как и любой другой.

– А вам? – Он игриво повернулся к мужчинам.

– Тебе бы подошло что-то более яркое, – посоветовал Томас со знанием дела.

Кевин нахмурился. Он сидел как на иголках, наблюдая за Скэриэлом.

Хорошо, что я больше ничего не сказал и тем самым не попал в неудобное положение. Мне стоило и дальше молчать. То, как быстро Скэриэл адаптировался к миру чистокровных, немного пугало. Сколько бы я тут ни жил, центр не принимал меня, лжеца, что скрывался под маской полукровки.

– Согласен, – усмехнулся Скэриэл. – Чувствуется рука мастера. Сделано с душой. – Он вернул бабочку на место. – Вывеску всё же стоит сменить. Джером, подай сумку.

Я отложил журнал, поднялся со стула, прихватив сумку. Неужто он позвал меня, чтобы сторожить деньги?

– Не экономьте. – Скэриэл достал две пачки купюр, а потом, задумавшись, ещё одну. – Наверное, нужно больше. – Он протянул Кевину деньги и подытожил: – К следующей неделе жду новую вывеску. Это место заслуживает хорошей рекламы.

Он говорил дружелюбно, словно давал совет близкому человеку, но даже в этих фразах можно было уловить властные нотки. Если всегда молчишь, то заметишь и не такое.

– Хорошо... – Кевин потянулся, принял деньги и передал их брату. Выглядел он при этом слегка растерянным, будто совсем не этого ожидал. – Спасибо.

– Как у тебя с работой? – спросил Скэриэл и, не дожидаясь ответа, добавил: – Я могу устроить тебя...

– Нет, спасибо, – покачал головой Кевин. – Я хочу заняться семейным бизнесом. Когда это место станет нашим, – он чуть выделил «нашим», но Скэриэл и бровью не повёл, продолжая улыбаться, – я бы хотел, чтобы ателье переросло в сеть по всему центру.

– И то верно, – улыбнулся Лоу. – Хороший выбор. Лучше вкладывать силы и деньги в своё дело.

Неприкрытая лесть, замаскированная под комплименты. Согласие с мнением собеседника. Открытые позы при беседе. Всем этим пользовался Скэриэл изо дня в день. Он хорошо применял метод кнута и пряника. Хвалить и поощрять он любил. Я только недавно осознал, как часто он применял ко мне похвалу, даже за самые пустяковые дела. А в качестве поощрения использовал прикосновения, объятия и реже, отчего я жаждал этого ещё больше, поцелуи.

– До нас доходят странные слухи... О тебе много говорят, – неуверенно проговорил Томас.

Скэриэл продолжил обход: примерял то шляпу, то платок, увлечённо рассматривал запонки. Я закрыл сумку, вернулся на своё место и вновь уткнулся в журнал. Разговор у них не клеился.

– И что же про меня говорят? – озорно переспросил Скэриэл.

У него с утра было хорошее настроение. Ещё за завтраком он пытался развеселить меня шутками, имитировал голос и походку Эдварда, а потом и вовсе включил музыку и пустился в пляс. В чём Скэриэл был плох, так это в танцах. Плох был и я. Мы не рассчитали силы, как и размеры кухни, и, танцуя, разбили чашку с кофе. Горячий напиток растёкся по всему паркету. Это ничуть не расстроило Скэриэла, а вот меня да. Убрать последствия нашего веселья предстояло именно мне.

– Я сам. – Он вернулся с тряпкой в руках. – Иди пока соберись. Поедешь сегодня со мной.

Скэриэл нечасто помогал с уборкой, больше предпочитал подкидывать мне работу по дому.

– Куда? В Запретные земли?

– Навестим друзей, – хмыкнул он, сидя на корточках и пытаясь собрать тёмную жидкость тряпкой.

– Нужно будет протереть ещё пару раз.

– Зачем?

– Кофе был с сахаром. Будет липнуть.

Скэриэл посмотрел на меня и кивнул.

Согласие с собеседником. Беспрекословное выполнение чужих указаний. Я не мог перестать думать о том, что он даже сейчас наверняка использует свои приёмы, оттачивая их, чтобы в дальнейшем применять на чистокровных.

Я сидел в своей комнате со свитером в руках и думал о том, что, возможно, я всё себе придумываю. Не размышляет же Скэриэл о том, как манипулировать другими, сутки напролёт. Так и рехнуться можно.

– Я, конечно, не очень в это верю, но... ты цепной пёс мистера Эна? – последнее Томас произнёс, понизив голос. Прозвучало это как-то зловеще.

Скэриэл аж скривился.

– Это Адам Шерр у нас цепной пёс, а я, – он пожал плечами и скромно потупил взор, – просто иногда выполняю поручения мистера Эна.

Скэриэл был переносчиком смерти, и он мог сколько угодно возмущаться и скидывать ответственность на Адама, но мистер Эн доверял Скэру больше всех. Скэриэл не просто выполнял поручения. За два года работы в Запретных землях он стал его правой рукой.

Кличка «Цепной пёс» появилась среди людей совсем недавно. Никто толком не был уверен, кто скрывается под этим громким именем, но Скэриэл отрицал свою причастность, стоило указать на него.

В клубе Скэриэл иногда ходил в маске сероголовой птицы с острым клювом. Я был уверен, что это выдуманная птица или какой-нибудь воробей, но он как-то поведал про серого сорокопута. Сказал, что маску заказал у мастера. На вопрос, чем ему так не угодил «Цепной пёс», он ответил, что нет хозяина, способного удержать его на привязи, а вот кто точно на цепи, так это безбашенный Адам Шерр, и не забыл упомянуть о том, что этот ублюдок недавно чуть не вспорол ему живот. Рана и правда вышла глубокой. Не будь Скэриэл переносчиком смерти, способным к быстрому восстановлению, кто знает, смог ли бы он в принципе выкарабкаться.

Мне нравились Кевин и Томас, они хорошо ко мне относились, но было заметно, как полукровки напряжены рядом со Скэриэлом.

– Ходят слухи, что кто-то скупает земли у границ, – добавил Кевин, внимательно наблюдая за Лоу.

– Я не слежу за слухами.

– Мы вот подумали, – переглянувшись с братом, продолжил Томас, – что если ты что-то задумал против мистера Эна, то мы на твоей стороне.

Скэриэл улыбнулся в ответ.

– У стен есть уши. Вы работаете слишком близко к Запретным землям, будьте осмотрительны. – Он указал на дальний пиджак: – Мне нужно что-то в этом стиле. Подбери и сшей как можно скорее.

– Сроки? – уточнил Томас.

– Чуть больше недели.

Томас явно был не в восторге.

– Спасибо, что... – Кевин осёкся, кашлянул и продолжил: – что разобрался с теми парнями. Они в последнее время требовали слишком много денег.

Ему с трудом давались эти слова.

– Если бы не ты, наверное, здание бы уже сожгли... – проговорил Томас.

Скэриэл ничего не ответил и задумчиво посмотрел в сторону.

– Семья Хитклиф в безопасности? – спросил Кевин.

– В полном. Ты к ним слишком прикипел, – хмыкнул Скэриэл, сев рядом со мной на стул. – Знал ведь, на что шёл.

– Да я и не отрицаю. Они все хорошие люди, и я... не знаю, как выразиться... не хотел, чтобы кто-то из них пострадал. Особенно младший. – Кевин потёр шею и нерешительно посмотрел на Скэриэла. – Я был его шофером и как бы в ответе за него. Понимаешь?

– Я уверен, что с ним всё в порядке, – убедительно проговорил Томас, когда Скэриэл вновь ничего не ответил Кевину. – Хороший парень этот Готьё, мне он понравился в нашу первую встречу.

Кевин выжидательно посмотрел на Лоу.

– Не переживай, ты не сделал ничего плохого. – Доверительный тон Скэриэла быстро успокоил его. – Что дурного в том, чтобы сообщить репортёру, что сын Уильяма Хитклифа отправился в музей? И вспомни, я его спас. А ты в благодарность привёл меня в их дом. Быть благодарным не преступление. Всё вышло вполне естественно. Я бы в любом случае познакомился с Готьё, это был лишь вопрос времени. С твоей помощью или без, – хмыкнул он. – Ты только ускорил процесс.

– И если бы не Сильвия, ты бы и дальше работал у них, – поддержал Томас.

- Она хорошая женщина и выполняет свою работу, – заступился Кевин.
- Все мы выполняем свою работу, – кивнул Скэриэл.
- Значит, Готье в безопасности? Ты обещаешь?
- Я выполню свою часть уговора – их семья не пострадает. И вам перейдут права на ателье, как и договаривались, – серьёзно произнёс Скэриэл. – А вы должны выполнить свою часть.
- Хорошо. Ещё кого-то привести в дом?
- Ничего сложного. – Скэриэл махнул рукой. – Готье очень хочет тебя навестить. Придёт, поболтает, всё в дружеской обстановке. Тебе нужно будет ему кое-что сообщить.
- Что именно?
- Признайся ему, что вы в плачевном состоянии и вам угрожают местные чистокровные.
- Угрожают чистокровные? – переспросил Томас.
- Да. Сообщи ему, например, что они требуют завышенную плату за аренду здания.
- А если он проверит, раскопает, что в качестве арендодателя по документам у нас Эдвард Лоу? – засомневался Кевин. – Он может догадаться, что за всем этим стоишь ты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.